Собраніе лучшихъ русскихъ произведеній.

ВОСПОМИНАНІЯ

РУССКИХЪ РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

:: :: Revolutionäre Erinnerungen. :: ::
Des souvenirs révolutionnaires.

Берлинъ Charlottenstr. 2. **Berlin SW.**
Изданіе Гуго Штейница. Hugo Steinitz Verlag.
1904. 1904.

Часть 93. Мар. 2,—.

Собраніе произведеній
лучшихъ русскихъ писателей

Содержитъ преимущественно изданія, запрещенныя въ Россіи

Изданіе Гуго Штейница, Берлинъ, Шарлоттенштр. 2.

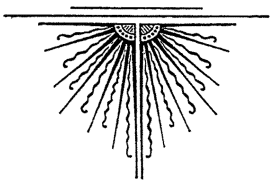
Verlag von Hugo Steinitz, Berlin, Charlottenstr. 2.

1.	**Шидарь**, Нравственныя задачи XX-го вѣка (Moralische Aufgaben)	1,50 Мар.
2.	**Л. Н. Толстой**, Письмо къ Поляку (Polen-Briefe)	—,60 „
3.	—, Разумъ (Vernunft, Glaube)	—,80 „
4.	—, Не воевай (Kämpfe nicht)	—,80 „
5.	—, Палкинъ (Palkin)	—,80 „
6.	—, Патріотизмъ или миръ? (Patriotismus)	—,80 „
7.	—, Плоды просвѣщенія (Früchte)	1,— „
8.	—, Крестникъ (Patenkind)	1,— „
9.	—, Мысли о Богѣ (Gedanken)	1,20 „
10.	—, Рабство нашего времени (Sklaverei)	1,50 „
11.	—, О смыслѣ жизни (Sinn des Lebens)	1,50 „
12.	—, Христіанство (Christentum)	2,— „
13.	—, Половой вопросъ (Sexuelle Frage)	2,— „
14.	—, Воскресеніе (Auferstehung)	3,50 „
15.	—, Царство Божіе, 2 части (Reich Gottes)	**Не имѣется**
16.	**Б. Чичеринъ**, Польскій и еврейскій вопросы (Polnische und jüdische Frage)	1,— „
17.	**М. Горькій**, Запрещенное (Verbotenes)	1,— „
18.	**Толстой** и Святѣйшій Синодъ (Tolstoi und Synod)	1,50 „
19.	***, Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія (Russland am Vorabend)	2,— „
20.	***, Послѣднія революц. событія (Ereignisse)	2,— „
21.	**Н. Т.**, Тайны зимняго дворца (Geheimnisse)	4,— „
22.	**М. Горькій, Л. Н. Толстой и др.**, На злобу дня (Gorki, Tolstoi etc., Tagesfrage)	1,— „
23.	***, Жизнь и ученіе Магаммеда (Mohamed)	5,— „
24.	**Л. Н. Толстой**, Письма о его ученіи (Tolstoi Lehre)	1,— „
25.	—, Единственное средство (Einzige Mittel)	1,— „
26.	—, Крейцерова соната (Kreutzersonate)	1,50 „
27.	—, Исповѣдь (Beichte)	3,— „
28.	—, Въ чемъ моя вѣра? (Glaube)	4,— „
29.	***, Изъ революціонной русской литературы (Revol. Literatur I)	3,— „
30.	**Л. Н. Толстой**, О войнѣ и военномъ дѣлѣ (Kriegswerk)	1,50 „
31.	—, Что такое религія (Religion)	2,— „
32.	**А. Амфитеатровъ**, Господа Обмановы (Obmanow)	1,— „
33.	**Л. Н. Толстой**, Мысли о воспитаніи (Erziehung)	1,20 „
34.	Карповичъ и Балмашевъ передъ судомъ (Karpowicz)	1,— „
35.	Л. Н. Толстой къ Духоборцамъ (Sendschreiben)	1,— „
36.	**Л. А. Волженштейнъ**, 15 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости (Schlüsselburger Festung)	2,— „

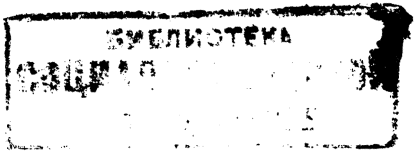
Воспоминанія русскихъ революціонеровъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

РУССКИХЪ РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ



БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница
Шарлоттенштрассе 2.


БИБЛИОТЕКА

I.

Изъ воспоминаній Льва Гартмана.

Въ революціонномъ движеніи я принималъ участіе всего лишь четыре года — съ 1876 по 1880-ый. Изъ нихъ слѣдуетъ, однако, исключить одинъ годъ подготовительной работы надъ самимъ собой, чтобы сдѣлать себя пригоднымъ „идти въ народъ“, и еще одинъ годъ, проведенный мной въ тюрьмѣ.

Въ 1876 г. я былъ учителемъ земскаго училища въ Таганрогѣ, когда я познакомился съ только что пріѣхавшимъ туда Емельяновымъ. который впослѣдствіи участвовалъ въ процессѣ по дѣлу о Казанской демонстраціи и въ іюлѣ 1877 г. былъ наказанъ Треповымъ розгами въ Домѣ Пред. Заключенія*). Съ нимъ къ намъ пріѣхалъ и Мощенковъ. Вскорѣ

*) Емельяновъ судился подъ именемъ Боголюбова. Къ концу 1880 года онъ сошелъ на каторгѣ съ ума и, если не ошибаюсь, до сихъ поръ находится въ Казанскомъ сумашедшемъ домѣ.

мы перебрались въ Ростовъ-на-Дону, гдѣ стали жить на общей квартирѣ. Мы не замедлили завести знакомства въ городѣ, и вскорѣ трое мелкихъ торговцевъ, два доктора, молодой артиллерійскій офицеръ, стоявшій со своей командой близь Азова, и нѣсколько учениковъ и ученицъ высшихъ классовъ гимназій и реальнаго училища вошли въ составъ нашего кружка самообразованія.

Емельяновъ привезъ съ собою много революціонныхъ заграничныхъ изданій и народныхъ книжекъ. Много книгъ было и у меня, и съ каждымъ вновь пріѣзжающимъ наша библіотека все росла и росла. Пріѣзжихъ было не мало, но помню хорошо лишь Михаила Попова, Юрія Тищенко и Мозговаго. Всѣ они поселились у меня на квартирѣ, гдѣ также собирались и мѣстные члены кружка. Въ чтеніи книгъ, спорахъ и въ объясненіяхъ неясныхъ пунктовъ время проходило незамѣтно; собирались почти ежедневно часа въ 4 пополудни и расходились около 9 час. ночи. Нерѣдко на такихъ собраніяхъ присутствовало человѣкъ 15. Тѣ, которые обладали большимъ образованіемъ, помогали другимъ. Находилось время на зоологію, ботанику, фи-

зику и химію. „Сохраненіе энергіи“ — помню — читалось и объяснялось съ большимъ интересомъ для всѣхъ присутствовавшихъ. Много читалось по исторіи, читались и сочиненія Писарева, Добролюбова, романы и повѣсти Эркмана-Шатріяна, Шпильгагена и „Что дѣлать“ Чернышевскаго, „Впередъ“ Лаврова, рѣчи Лассаля слушались съ большимъ интересомъ и вниманіемъ, — и тогда весь кружокъ бывалъ на лицо. Миль и Смитъ, примѣчанія къ Милю и „Капиталъ“ Маркса были для многихъ трудны и не по силамъ для нѣкоторыхъ. Тонъ собраніямъ кружка давалъ Емельяновъ. Говорилъ онъ постоянно съ чувствомъ, часто даже съ жаромъ; призывалъ учиться и готовиться идти въ народъ проповѣдывать идеи соціализма, возбуждать къ борьбѣ съ деспотизмомъ. Подобно рѣчамъ Емельянова электризирующимъ элементомъ служили также пѣсни о вольномъ казачествѣ и нѣсколько революціонныхъ пѣсенъ, безъ которыхъ не обходилось ни одного собранія. Все это, необходимо, имѣло вліяніе не только на умственный складъ и развитіе слушателей, но измѣняло ихъ привычки и характеръ, давало новую оцѣнку удобствамъ и комфорту

жизни. Денегъ у насъ было достаточно; не мало получалось ихъ на имя Тищенко, да и я зарабатывалъ хорошо, но, за всѣмъ тѣмъ, потребности ремонта одежды не считались существенными, забывались даже. Было время, когда у шести человѣкъ, жившихъ на общей квартирѣ, было всего лишь двѣ пары сапогъ. Четверо сидѣло дома, дожидаясь двухъ въ сапогахъ, и двѣ пары были впору всѣмъ шести. Спали на полу, подложивши платье подъ голову, съ газетой въ мѣсто тюфяка, ѣли черный хлѣбъ съ колбасой и чаемъ.

Съ Валерьяномъ Андреевичемъ Осинскимъ мы познакомились лишь мѣсяца за три до распаденія нашего ростовскаго кружка. Въ то время онъ жилъ вмѣстѣ со всѣми своими братьями и сестрами у своего старшаго брата Павла. Его отецъ по смерти оставилъ имъ въ ростовскомъ уѣздѣ большое имѣніе, которымъ они владѣли не раздѣльно. Павелъ Андреевичъ, лѣтъ на 10 или 12 старше Валерьяна, пользовался большимъ уваженіемъ и вліяніемъ во всемъ уѣздѣ. Крестьяне ростовскаго уѣзда любили его за его простоту, правдивость, честность и всегдашнюю готовность помочь въ чемъ-бы то ни было. Онъ

былъ земецъ либералъ, убѣжденія котораго не обусловливались расчетами и соображеніями матеріальнаго характера. Таковъ же былъ и Валерьянъ Андреевичъ, и, какъ это онъ самъ мнѣ говорилъ, онъ многимъ былъ обязанъ въ своемъ характерѣ вліянію своего брата. Нѣкоторые изъ его родственниковъ пристали къ нашему кружку много раньше его и дѣлились съ нимъ книгами, которыя брали отъ насъ съ собой на домъ: „Впередъ“, рѣчи Лассаля и пр. Эти книги дали Валерьяну первое знакомство съ принципами соціализма и толкнули его на путь, который онъ избралъ вскорѣ безъ особой борьбы. Въ первый разъ, когда онъ пришелъ къ намъ, мы увидали юношу безукоризненно одѣтаго и своимъ разговоромъ, напоминавшаго „лощенное общество“, какъ характеризовалъ его Емельяновъ. Кажется, подобнаго щегольства, кстати сказать, не водилось за его братьями и сестрами. При второмъ свиданіи вся эта „помада“ слѣзла съ него. Въ немъ виденъ былъ человѣкъ съ убѣжденіями, прямой, искренній и симпатичный, съ которымъ можно говорить безъ опасеній, слову котораго можно вѣрить. Даже Емельяновъ, фанатизмъ кото-

раго не допускалъ никакой „помады“ (это было его любимое выраженіе) на честномъ человѣкѣ, на томъ же первомъ свиданіи, разговаривалъ съ Осинскимъ, какъ съ давнишнимъ своимъ пріятелемъ. Въ слѣдующій разъ, когда Валерьянъ Андреевичъ пришелъ къ намъ, прежнихъ особенностей въ его одеждѣ и разговорахъ уже не было. Долго онъ не засиживался, — захватитъ нѣсколько книгъ и удалится на недѣлю. Далеко ли онъ пойдетъ, оставитъ ли свою семью и примкнетъ ли къ кружку людей, идущихъ въ народъ, — этого тогда нельзя было предугадать. Но вскорѣ случилось одно обстоятельство и оно сразу разрѣшило всѣ наши сомнѣнія. На меня былъ сдѣланъ доносъ, — намъ всѣмъ угрожала опасность. Мнѣ и многимъ другимъ приходилось бѣжать. Валерьянъ Осинскій предложилъ мнѣ свой паспортъ и тѣмъ сразу и безповоротно примкнулъ къ нашему дѣлу.

Это было, если не ошибаюсь, ранней весной 1877 г. Емельяновъ и Тищенко готовились въ путь — на Кавкасъ, Мозговой — на Волгу, два „хохла“ — Мощенковъ и Быковцевъ — условились съ однимъ либераломъ, землевладѣльцемъ близь Ейска, Кубанской

области, и шли къ нему на полевую работу. У каждой партіи и у Мозгового было заготовлено мужицкое платье; имѣлся также небольшой запасъ медицинскихъ средствъ, россійская фармакопея и порядочное количество народныхъ книжекъ, какъ на примѣръ, „Сказка о четырехъ братьяхъ“ и др.

Первыми тронулись въ путь Емельяновъ и Тищенко, но чрезъ недѣлю они вернулись. Ноги у нихъ всѣхъ были сбиты, кожа содрана и они натерли себѣ мозоли, а Емельяновъ вдобавокъ схватилъ жестокій насморкъ и у него образовался мясистый наростъ на спинѣ между плечами въ три или четыре дюйма и въ дюймъ широты и вышины. Одинъ нашъ товарищъ, докторъ, вырѣзалъ этотъ наростъ „съ корнемъ“, стянулъ потомъ края кожи, сшилъ ихъ и положилъ бандажъ. Во все время операціи Емельяновъ стоялъ нагнувшись, чтобы облегчить работу доктора, курилъ и изрѣдка морщился, когда было особенно больно, но въ общемъ вынесъ легко, даже черезчуръ легко. Рахметовъ Чернышевскаго былъ его образцомъ, которому должны слѣдовать, какъ онъ говорилъ, всѣ пропагандисты-революціонеры.

Дней черезъ десять раны зажили, и Емельяновъ съ Тищенко вновь ушли. Это было въ послѣдній разъ, когда я видѣлъ Емельянова. Прощаясь со мною, онъ говорилъ мнѣ: „Я увѣренъ, я еще услышу о тебѣ, Алхимикъ (прозвище которое онъ мнѣ далъ). Не сомнѣваюсь, ты сдѣлаешь все, что въ твоихъ силахъ. Я сдѣлаю все, что въ моихъ."

Въ то время я служилъ повѣреннымъ общественнаго банка, но вскорѣ оставилъ это мѣсто и по приглашенію городскаго головы поступилъ въ городскую управу. Взяточничество и воровство служащихъ этой управы были, повидимому, феноменальны. „Надо во что бы то ни стало очистить управу отъ воровъ и взяточниковъ", говорилъ мнѣ голова. Онъ предоставилъ мнѣ найти себѣ помощниковъ, и трое изъ нашего кружка — все донскіе казаки — вскорѣ поступили туда. Съ перваго же дня, однако, взяточники искали средствъ выжить насъ изъ управы, и немного требовалось труда, чтобъ узнать кое-что компрометирующее насъ въ глазахъ начальства. Мы, нашъ кружокъ, держали себя много свободнѣе, чѣмъ это было бы возможно гдѣ-либо

въ Россіи годъ спустя. Послѣдовали, какъ я уже сказалъ, доносъ и приказъ арестовать, о которомъ насъ, однако, увѣдомилъ заблаговременно одинъ изъ близкихъ къ такимъ дѣламъ. Оставаться и ждать не было смысла, и я и всѣ, кому нужно было, бѣжали.

Я высадился съ парахода въ Керчи и оттуда пошелъ на югъ и потомъ вдоль по берегу до Севастополя. На первыхъ же дняхъ мнѣ пришлось услышать „Ей, мусью!“ отъ одного изъ группы косарей, къ которой я присталъ. Это мнѣ было вовсе не по душѣ. Я отсталъ отъ нихъ, ждалъ нѣсколько дней, пока лицо мое загрубѣло, и тогда присталъ къ другой партіи. Конечно, я былъ въ мужицкомъ платьѣ. Попалась работа — за рубль въ день. Работали мы — человѣкъ десять косарей и столько же сгребальщиковъ— начиная часа за два до восхода солнца, кончая часа чрезъ два послѣ заката. Что же касается до возможности уловить время на ознакомленіе, разговоры и передачу хоть отрывковъ тѣхъ идей, того ученія, ради котораго я шелъ въ народъ, — для этого рѣшительно не было времени. Не было его и тогда, когда черезъ недѣлю работа окончилась.

Каждый косарь спѣшилъ впередъ, на новую работу.

Ноги едва держали меня, я былъ изнуренъ, обезкураженъ и медленно подвигался къ Севастополю, обдумывая, какъ было бы важно совмѣстить въ такой дѣятельности три условія первой необходимости: не столь тяжелый трудъ, достаточный на жизнь заработокъ и хоть нѣсколько свободнаго времени на пропаганду. Косовица удовлетворяла лишь второму изъ этихъ условій. Мнѣ казалось болѣе вѣроятнымъ, что какое либо ремесло отвѣтитъ всѣмъ этимъ нашимъ требованіямъ. Какъ бы въ отвѣтъ на мысли, удручавшія меня, я получилъ въ Севастополѣ письмо отъ Тищенко изъ Керчи, приглашавшее меня учиться сапошному ремеслу въ только что устроенной тамъ мастерской. Конечно, я не замедлилъ туда вернуться. Нѣкто „Митрошка“, харьковскій студентъ, имени котораго я не упомню, былъ нашимъ учителемъ. Учились Мощенковъ, Бибергаль, я, Тищенко и нѣсколько рабочихъ соляныхъ промысловъ.

Я былъ, кажется, первымъ, который оставилъ Керчь приблизительно послѣ двухъ мѣсяцевъ ученья и, переѣхавъ чрезъ проливъ,

пошелъ вверхъ по Кубани къ Екатеринодару. Особеннаго искусства въ сапожномъ мастерствѣ я, конечно, въ такое короткое время достигнуть не могъ, но я могъ ограничиваться починками и въ то же время совершенствоваться въ своемъ ремеслѣ.

Поровнялся какъ-то я съ большимъ обозомъ, возвращавшимся изъ Ейска въ Ростовъ. Мужики — ихъ было до двадцати человѣкъ — сидѣли вокругъ костра, занятые разсчетами расходовъ по ихъ артели. Всѣ внесли деньги въ общую кассу, но не поровну, и они теперь не могли опредѣлить, сколько слѣдуетъ съ души, а, сообразно этому, сколько приходится на брата, надо-ли доплатить или дополучить. Послѣ мучительныхъ неудачъ въ выборѣ методовъ рѣшенія они пригласили меня на помощь. Я разрѣшилъ ихъ недоразумѣнія. Окончивъ разсчеты, мы поужинали и готовились ночевать вмѣстѣ. Всѣ были въ духѣ, чувствовали хорошо; никто не усталъ, не торопился, а, главное, у всѣхъ были деньги. Не надо было лучшихъ условій и лучшей обстановки; и, какъ мало я, новичекъ, ни довѣрялъ своимъ силамъ и ловкости, я, однако, не замедлилъ приступить къ дѣлу. Какъ

будто нечаянно я выронилъ изъ своей котомки книжку; мужики заинтересовались, захотѣли узнать, о чемъ въ ней написано, и я сталъ читать имъ „Сказку о четырехъ братьяхъ“. Каждый пунктъ вызывалъ замѣчанія и обмѣнъ мыслей. Тѣмъ большій интересъ замѣчался въ слушателяхъ, чѣмъ далѣе развивался разсказъ. Далеко за полночь мы продолжали разговаривать сидя и лежа, пока, наконецъ, сонъ не одолѣлъ насъ всѣхъ и разговоръ такимъ образомъ кончился.

Рано утромъ слѣдующаго дня я отсталъ отъ нихъ послѣ дружескихъ прощаній, — всѣ приглашали меня навѣстить ихъ въ ихъ селахъ и снабжали меня своихи адресами. Отойдя полъ версты я присѣлъ, переписалъ всѣ адреса на маленькій клочекъ бумажки и спряталъ его подъ воротникомъ жилетки. Надо было увѣдомить моихъ: кто-нибудь изъ нихъ, быть можетъ, пойдетъ въ эти села и будетъ продолжать столь счастливо начатое знакомство. Этими адресами я, впрочемъ, разсчитывалъ воспользоваться и самъ. Да и почему бы мнѣ отдавать другимъ дѣло, которое мнѣ и самому вполнѣ по вкусу! Лишь

бы удалось удержаться въ деревнѣ; пропаганду можно будетъ вести систематично, не урывками, какъ это было до сихъ поръ.

Мои думы были прерваны колокольчикомъ. Приближалась пара лошадей. Въ повозкѣ сидѣлъ какой-то офицеръ. Я поднялся и пошелъ навстрѣчу. На всемъ лету кони, поровнявшись со мной, остановились, выскочилъ становой приставъ и схватилъ мою котомку. Найдены были запрещенныя книжки и меня арестовали. Я арестованъ былъ, какъ потомъ оказалось, совершенно случайно: искали не меня, а разбойниковъ, ограбившихъ въ прошлую ночь помѣстье одного казацкаго полковника.

Слѣдствіе и допросы тянулись цѣлый годъ. Тѣмъ временемъ мои товарищи, узнавши о моемъ арестѣ, послали Быковцева, чтобы освободить меня, если оказалось-бы какая-либо возможность. Но Быковцевъ былъ самъ случайно арестованъ. Мнѣ было больно видѣть его въ тюрьмѣ въ Екатеринодарѣ, гдѣ и я былъ заключенъ. Его арестовали всего лишь по подозрѣнію, но такъ какъ онъ не говорилъ своего имени и назывался „Иваномъ, непомнящимъ родства“, то ему предстояло

идти въ Сибирь на поселеніе. Исполнялъ онъ свою роль „непомнящаго родства“ съ большимъ искусствомъ: его рѣчь, наружность и „Иванъ“, котораго онъ выводилъ съ искусствомъ безграмотнаго художника, подписывая свои показанія на слѣдствіи, не вызывали и мысли о притворствѣ. За укрывательство имени Быковцева стали прижимать, терзать придирками, донимать скверной ѣдой и т. п., чтобы вынудить признаніе. Благодаря своей крайне нервности Быковцевъ не выдержалъ всего этого и повѣсился было, но его во-время спасли. Дѣло кончилось, однако, лучше, чѣмъ можно было ожидать. Насъ обоихъ выпустили на поруки, — и мы бѣжали.

Въ началѣ 1878 г. я присоединился къ саратовскому кружку, центромъ котораго были Вѣра Фигнеръ съ ея сестрой Евгеніей. Съ ними жили 2 или 3 дѣвушки, имена которыхъ я забылъ. Тамъ я впервые познакомился также съ Александромъ Михайловымъ, Соловьевымъ, Юріемъ Богдановичемъ, Преображенскимъ и многими другими. Одинъ изъ моихъ новыхъ товарищей, уѣзжая, передалъ мнѣ свое мѣсто писаря волостного суда въ с. Покровскомъ, недалеко отъ Саратова. Это

было село въ 20,000 душъ, гдѣ многіе изъ крестьянъ разбогатѣли скупкою хлѣба и ѣздили въ каретахъ, посѣщали Парижъ, воспитывали своихъ дѣтей въ гимназіи и пренебрегали знакомствомъ съ болѣе бѣдными мужиками. Я поселился на постояломъ дворѣ, куда ежедневно пріѣзжали десятки людей изъ окрестныхъ деревень. Свободное время я проводилъ и спалъ въ общей комнатѣ, гдѣ споры, разговоры и пѣсни шли безъ умолку цѣлый день.

Познакомился я тутъ съ однимъ крестьяниномъ, который многими своими особенностями выдавался изъ среды другихъ. Онъ былъ всегда веселъ, шутливъ, привѣтливъ, искалъ знакомствъ, увлекалъ разговорами, привлекая къ себѣ довѣріе. Онъ былъ высокаго роста, сильно сложенный, съ густо обросшимъ волосами лицомъ и съ вдумчивымъ выраженіемъ глазъ. Онъ торговалъ серпами, косами и изъ года въ годъ ѣздилъ изъ села въ село. Своей избы и семьи у него не было.

При одномъ изъ разговоровъ, въ которомъ принимали участіе человѣкъ тридцать присутствовавшихъ, онъ посвятилъ насъ въ свое ученіе. „Вышелъ орелъ изъ пучины морской

— началъ онъ — и былъ онъ о 13 головахъ. Вышелъ левъ изъ чащи лѣсной и сталъ онъ упрекать орла: „Орелъ, ты, орелъ! царство твое неправедное, царство твое губительное! будь ты проклятъ, орелъ! погибай ты въ пучинѣ морской!“ И стали головы орла отсыхать. Отсохла одна и упала, затѣмъ другая и третья; отсохла послѣдняя и царство орла прекратилось. Ну — закончилъ онъ — перечитай-ка Романовыхъ и выходитъ, что сынъ Александра II-го будетъ 13-мъ“.

Утромъ на слѣдующій день я съѣздилъ въ Саратовъ и условился съ товарищами, чтобы познакомить ихъ съ этимъ мужикомъ-пропагандистомъ. Его согласіемъ на это я заручился еще раньше. Я тѣмъ болѣе спѣшилъ ихъ познакомить между собою, что ожидалъ для себя разнаго рода непріятностей и думалъ, что мнѣ самому скоро придется бѣжать. Незадолго до того волостной судъ приговорилъ одного изъ богачей на три дня въ „чижовку“ за то, что онъ жестоко избилъ своего кучера. Богачъ пришелъ ко мнѣ, выбросилъ на столъ пятирублевую бумажку и потребовалъ отъ меня приговоръ суда. Когда приговора я ему не отдалъ, онъ обѣщалъ свести

счеты со мной, и на слѣдующій день становой пришелъ за моимъ паспортомъ. Подумаешь, какъ мало нужно было, чтобы вызвать подозреніе въ „неблагонадежности!“ Паспортъ мой былъ, конечно, фальшивый, и я не сталъ дожидаться послѣдствій справокъ и — скрылся.

Побывавши въ Москвѣ, я пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, къ моему удивленію, я вновь встрѣтилъ большинство саратовцевъ. У меня были свои планы на будущее, которыми я подѣлился еще въ Саратовѣ съ Преображенскимъ, и ихъ я хотѣлъ предложить на обсужденіе всего кружка въ Петербургѣ. Прежде, однако, чѣмъ я успѣлъ это сдѣлать, Александръ Михайловъ сообщилъ мнѣ, что я долженъ уѣхать изъ Петербурга и при томъ поскорѣе: должно было скоро случиться коечто такое, что вызоветъ погромы и аресты. Всѣ, кто только былъ мнѣ извѣстенъ, уѣхали, чтобы избѣжать этихъ погромовъ и безполезной траты людей.

Въ это время въ Петербургѣ былъ Девель изъ Тамбова, и по его-то приглашенію большинство извѣстныхъ мнѣ саратовцевъ отправились туда. Я примкнулъ къ нимъ позже, весною 1879 г., и принялъ отъ Либова, одного

изъ членовъ тамбовскаго кружка, должность писаря въ Ивановской волости*). Недалеко отъ меня, въ другомъ селѣ, были Мощенковъ и Пекарскій.

Мнѣ случилось быть въ городѣ, когда получилось извѣстіе о неудавшемся покушеніи Соловьева. Юрій Богдановичъ, Вѣра Фигнеръ, ея сестра, я и еще нѣсколько человѣкъ стали ходить по городу: намъ хотѣлось видѣть и слышать, какъ народъ относится къ извѣстію, но, кромѣ полной индифферентности и очень рѣдкихъ флаговъ и иллюминованныхъ оконъ въ частныхъ домахъ, не видно было ничего. на чемъ можно было бы основывать свое сужденіе. Лучше всего были украшены кабаки, публичныя заведенія, присутственныя мѣста, что и слѣдовало, впрочемъ, ожидать.

Первый приказъ, который я, какъ волостной писарь, получилъ отъ исправника, касался „строгаго наблюденія за всѣми поднадзорными

*) Мих. Девель, который, по показаніямъ Гольденберга, протежировалъ мнѣ, былъ въ данномъ случаѣ не причемъ. (Это замѣчаніе сдѣлано Л. Гартманомъ по поводу посланнаго нами ему отрывка объ его дѣлѣ изъ шпіонской книги, о которой мы говоримъ ниже. В. Б.)

лицами, появляющимися въ волости“ и т. д. За этимъ слѣдовалъ другой приказъ — созвать волостной сходъ и предложить на его утвержденіе благодарственный адресъ, проектъ котораго прилагался.

Въ концѣ мая у насъ было собраніе нашихъ товарищей. Это было первое и единственное собраніе для обсужденія программы партіи, на которомъ я имѣлъ случай и возможность присутствовать. Поводомъ къ нему послужилъ пріѣздъ Михаила Попова. Онъ остановился у насъ на пути въ Липецкъ и Воронежъ (не упомню) на съѣздъ, послѣдствіемъ котораго было образованіе двухъ партій: — Народной Воли и Чернаго Передѣла.

Поповъ стоялъ рѣшительно за полное прекращеніе террористическихъ дѣйствій и сосредоточеніе всѣхъ силъ исключительно на пропагандѣ. Въ этомъ онъ и ожидалъ себѣ поддержки и сочувствія отъ нашего кружка.

Программы Народной Воли въ то время еще не было, и всѣ сужденія сходки необходимо касались такого рода чисто практическихъ вопросовъ, какъ напр., — есть-ли смыслъ продолжать вооруженную борьбу, вызывать тѣмъ погромы, тормозить дѣло пропаганды

въ народѣ, когда пропаганда, и только она одна, и способна двинуть впередъ наше дѣло? Кто допускалъ возможность въ то время, при тѣхъ политическихъ условіяхъ, продолжать пропаганду среди народа, тотъ не могъ не согласиться съ этимъ заявленіемъ, но эту возможность допускали однако, далеко не всѣ изъ насъ.

Предшествовавшіе процессы 50-ти и 103-хъ, аресты и ссылки, слѣдовавшіе за ними, усиливающіяся мѣры наблюденія и, вообще, усиленіе реакціи, не встрѣчавшей отпора со стороны соціалистовъ, ихъ собственный опытъ, — все это, по меньшей мѣрѣ, не располагало къ такой увѣренности. Не было увѣренности и въ томъ, что приростъ силъ партіи будетъ превосходить ея потери. Это съ одной стороны, а съ другой намъ казалось, что вооруженная борьба и терроръ, доведенный систематическими усиленіями революціонеровъ, ну скажемъ, до того, что правительство принуждено будетъ сдѣлать уступки, могутъ вызвать условія, облегчающія пропаганду соціальныхъ идей, дадутъ народу примѣръ успѣшной борьбы, пробудятъ его нравственно и сдѣлаютъ его тѣмъ болѣе воспріимчивымъ къ ученію

соціализма. Такова была сущность, высказанныхъ мнѣній большинства присутствовавшихъ на нашей сходкѣ. Таково же было и мое личное мнѣніе. Когда я былъ еще въ Саратовѣ и прежде чѣмъ я могъ узнать о предстоявшей попыткѣ Соловьева и о существованіи среди революціонеровъ тенденцій, которыя вскорѣ имѣли послѣдствіемъ образованіе партіи Народной Воли, подкопъ подъ какую-либо желѣзную дорогу и взрывъ царскаго поѣзда динамитомъ казались мнѣ наиболѣе подходящими средствами, и я тогда подѣлился своими мыслями съ Преображенскимъ.

Я не пробылъ въ Ивановской волости и четырехъ мѣсяцевъ, какъ приходитъ ко мнѣ жандармъ. Онъ былъ посланъ своимъ полковникомъ, чтобы искать у меня запрещенныхъ книгъ, какъ онъ самъ объяснилъ это мнѣ. „Сдѣлайте одолженіе“, отвѣчалъ я ему, но жандармъ, обезкураженный моимъ предложеніемъ, не сталъ и искать. Волостной старшина, узнавшій отъ исправника о предстоявшемъ визитѣ, увѣдомилъ меня еще наканунѣ, и я въ ту же ночь утопилъ мои четыре связки книгъ въ пруду, на берегу котораго стояла моя изба.

Что вызвало этотъ визитъ, я не могъ себѣ объяснить. Я былъ увѣренъ во всѣхъ моихъ знакомыхъ крестьянахъ и не допускалъ возможности доноса. Черезъ день или два пришелъ ко мнѣ уѣздный фельдшеръ — маленькій, сладенькій, глаза котораго безустанно бѣгали. Волостной старшина тутъ же мигнулъ мнѣ. Фельдшеръ былъ извѣстный всему уѣзду предвѣстникъ бѣдъ — шпіонъ исправника.

Необходимо было узнать, въ чемъ дѣло, и я поѣхалъ въ Тамбовъ. За недѣлю до этого, какъ мнѣ сказали, Девель послалъ мнѣ письмо, въ которомъ увѣдомлялъ меня, что нѣкто Е. Скуратова назначена фельдшерицей куда-то близь Ивановки, но это письмо было перехвачено. Тутъ же я узналъ, что Мощенковъ арестованъ, и мы тогда поторопились увѣдомить объ этомъ Пекарскаго и другихъ своихъ товарищей.

II.

Памяти Коковскаго.

(Изъ „Вѣстника Народной Воли“ № 4).

Дѣло происходило лѣтомъ 1880 г.

Я тогда хотѣла познакомиться съ рабочими и говорила объ этомъ Вѣрѣ Николаевнѣ Фигнеръ. Вотъ однажды она зашла къ намъ и сказала, что это можно устроить, и что завтра она познакомитъ меня съ однимъ господиномъ, который мнѣ „сдастъ“ кой какія связи съ рабочими. Свиданіе мы назначили въ Петровскомъ паркѣ.

Пошла я на другой день въ паркъ. Тамъ въ это время часто назначались свиданія. День, помню, былъ насмурный, каждую минуту могъ пойти дождь. Однако черезъ нѣсколько времени явились и они, Вѣра Николаевна съ Валентиномъ. Это не настоящее его имя, а только радикальское прозвище.

Замѣчаніе: Разсказъ С....., записанный съ ея словъ въ 1883 г. и опубликованный въ „Вѣстникѣ Народной Воли“ въ 1885 г.

Настоящаго имени я такъ и не знаю до сихъ поръ. Фамилія же его, дѣйствительно, Коковскій. Это оказался еще совсѣмъ молодой человѣкъ, юноша лѣтъ 20, бѣлый и розовый. На подбородкѣ и верхней губѣ его едва пробивался легкій пушокъ. Лицо круглое съ выдающимися скулами, носъ немного вздернутый . . . Вообще лицо не особенно изящное. Только глаза, переливающіе изъ синяго въ сѣрый цвѣтъ, были замѣчательно красивы. Все это мнѣ какъ-то въ глаза бросилось. Вы знаете, женщины все замѣчаютъ . . . И не понравился мнѣ Валентинъ. Это простое малорусское лицо, да и вся фигура, средняго роста, коренастая, неотесанная — впечатлѣніе самое заурядное. Онъ казался какимъ то приказчикомъ изъ Сытнаго рынка. Одѣтъ онъ былъ бѣдно. Сапоги дырявые; пальто выцвѣтшее, потертое и — зимнее, хотя дѣло было въ іюлѣ (1880 г.); простой рабочій картузъ, по фабричному, небрежно спускался козырькомъ на самые глаза, почти не прикрывая черныхъ, лохматыхъ волосъ. Однимъ словомъ, Валентинъ представлялъ полный контрастъ со своей спутницей, чистенькой и изящной, какъ всегда.

Она впрочемъ пробыла съ нами минутку. Только представила насъ другъ другу и убѣжала, озабоченная и улыбающаяся, къ своимъ десяти тысячамъ дѣлъ, тоже по обыкновенію. Вѣдь вы ее знаете.

Валентинъ сказалъ, что можетъ познакомить меня съ рабочей семьей Полозовыхъ. Я спросила ихъ адресъ, но Валентинъ, не отвѣчая, свелъ разговоръ на общіе пріемы дѣятельности среди рабочихъ. Непріятное впечатлѣніе во мнѣ еще болѣе усилилось. Я вообще не чувствовала ни малѣйшаго желанія разговаривать съ новымъ знакомымъ, но то, что онъ говорилъ, невозможно было слушать хладнокровно. Онъ началъ поучать меня, что съ рабочими не слѣдуетъ держаться за панибрата, что они уважаютъ только того, кто ихъ держитъ въ рукахъ и умѣетъ дать почувствовать свою силу . . . Все въ такомъ духѣ. Я положительно не могла слушать и заспорила. У меня не было ни малѣйшаго опыта собственно въ рабочемъ дѣлѣ, да и вообще не много. Но тутъ вопросъ не въ опытѣ. Мнѣ всегда противны и отвратительны были эти дутыя и глупыя претензіи корчить авторитетъ передъ людьми. Рабочій или не

рабочій, это рѣшительно все равно. Вообще тотъ не можетъ имѣть полезнаго вліянія, кто не любитъ людей, съ которыми имѣетъ дѣло, и не считаетъ ихъ себѣ равными. Я невольно заспорила, а потомъ, видя, что онъ настаиваетъ, встала и хотѣла уйти.

Но Валентинъ удержалъ меня. Онъ вдругъ перемѣнилъ тонъ, извинился и заявилъ, что вполнѣ раздѣляетъ мои взгляды. „Я хотѣлъ только посмотрѣть, насколько вы стоите за нихъ,“ замѣтилъ онъ . . . Вы понимаете, подобное нахальство меня положительно взбѣсило. Конечно, я сама была совсѣмъ молодая, но все таки — съ какой стати этотъ мальчишка экзаменуетъ меня? Что это за глупыя испытанія? А между тѣмъ въ голосѣ Валентина теперь звучала такая задушевная и грустная нотка, онъ говорилъ такъ просто, что слово „нахальство“, уже готовое сорваться, невольно замирало на губахъ моихъ. Онъ началъ мнѣ толковать, какіе хорошіе люди его знакомые, какъ ему тяжело было передать ихъ человѣку, способному ихъ обидѣть и оттолкнуть отъ партіи. „Для многихъ, продолжалъ Валентинъ, дѣятельность среди рабочихъ представляется какой то формаль-

ностью, которая выполняется съ высокомѣрнымъ убѣжденіемъ въ своемъ воображаемомъ превосходствѣ надъ толпой. Это такъ ошибочно и такъ вредно. А вѣдь васъ я не зналъ, заключилъ онъ, но теперь увѣряю васъ, я очень радъ и очень желалъ бы именно вамъ сдать своихъ пріятелей.“

Если бы я не до такой степени хотѣла сойтись съ рабочими, я бы не стала даже и разговаривать. Онъ, замѣтьте, даже и извиняясь, былъ очевидно убѣжденъ, что поступилъ совершенно правильно. Но въ концѣ концовъ, что мнѣ за дѣло до самонадѣяннаго мальчишки, котораго я, вѣроятно, больше никогда и не увижу? Я успокоилась и попросила его перейти къ дѣлу. Началась характеристика братьевъ Полозовыхъ, обстоятельная до безконечности. Чего только не объяснилъ мнѣ Валентинъ. Ну, да я не стану этого разсказывать. Однимъ словомъ, Валентинъ говорилъ такъ, какъ будто само собою предполагалось, что я должна интересоваться каждымъ волосомъ на головѣ двухъ драгоцѣнныхъ братьевъ . . . И тутъ опять фальши у него не слышалось, но это безконечно внимательное, влюбленное отношеніе къ дѣлу

мнѣ еще было незнакомо, и невольно казалось неестественнымъ. Вообще Валентинъ мнѣ не нравился и я торопилась отъ него отдѣлаться, сведя разговоръ на то, когда и какъ увидаться съ Полозовыми. Условились на воскресенье. Я надѣялась, что все кончено, и заговорила о кіевскихъ рекомендаціяхъ, но Валентинъ перебилъ меня и опять пустился въ длиннѣйшія наставленія о томъ, какъ я должна себя держать съ Полозовыми, какъ одѣваться, что говорить съ матерью, съ сестрой, съ сосѣдями, если какъ нибудь встрѣтятся. Все это впослѣдствіи оказалось очень полезнымъ для меня и убѣдило меня въ тонкой наблюдательности Валентина. Но тогда онъ мнѣ надоѣлъ до смерти: и экзамены его, и наставленія, и настойчивость, съ которой онъ училъ меня, безъ всякаго вниманія къ тому, желаю ли я принимать его уроки . . . Можетъ быть, мы бы опять поругались, но тутъ за меня вступилась сама природа: полилъ сильный дождь и положилъ конецъ разговорамъ. Мы вышли изъ парка, повторяя условія на счетъ воскресенья. Но Валентинъ не оставлялъ меня. Когда мы подошли къ конкѣ, въ которую я должна была

сѣсть, онъ сказалъ, что ему тутъ около нужно забѣжать къ одному знакомому, и просилъ меня подождать его. „Хорошо, хорошо," отвѣтила я съ досадой и, какъ только онъ скрылся, поспѣшила сѣсть въ первый вагонъ, довольная, что наконецъ избавилась отъ назойливаго спутника.

Вотъ какое впечатлѣніе онъ произвелъ на меня въ первый разъ! Да, я забыла вамъ сказать, что на этотъ разъ все таки не избавилась отъ Валентина. Онъ сѣлъ въ другой вагонъ, догналъ меня, когда я уже шла по улицѣ, и проводилъ до самой квартиры, все развивая свои соображенія о дѣятельности среди рабочихъ.

Ему, бѣдному, это дѣло было самому почти вновѣ, и онъ находился въ самомъ пылу увлеченія. А впрочемъ — такіе люди не остываютъ никогда. Они просто умираютъ. Но тогда я его совсѣмъ еще не понимала.

Однако въ назначенное воскресенье мое первое впечатлѣніе все таки значительно измѣнилось къ лучшему. Свиданіе съ Полозовыми было назначено опять въ паркѣ. Я пришла вдвоемъ съ Валентиномъ и застала млад-

шаго брата уже на мѣстѣ. Старшій не могъ по дѣламъ отлучиться изъ дому. И вотъ тутъ Валентинъ мнѣ понравился въ первый разъ. Полозовъ встрѣтилъ его совсѣмъ по товарищески — совсѣмъ просто, хотя видимо обрадованный. Валентинъ также могъ показаться скорѣе товарищемъ Полозова, чѣмъ моимъ. Но больше всего мнѣ понравилось, что разговоръ скоро сталъ совсѣмъ серьезнымъ, и въ то же время безъ малѣйшей натяжки. Валентинъ вытащилъ изъ кармана какія то газеты съ интересными новостями о движеніи рабочихъ заграницей, и началъ оживленно передавать ихъ Полозову: повидимому это было продолженіе какого то предыдущаго спора. Полозовъ иногда возражалъ, а еще больше разспрашивалъ. Валентинъ объяснялъ, иногда вдаваясь въ большія подробности, но, повторяю вамъ, совсѣмъ по товарищески. Такъ, вѣроятно, питерскій рабочій передаетъ своему деревенскому пріятелю новости городской политики. На этотъ разъ я была совсѣмъ довольна: видно было, что Валентинъ, дѣйствительно, умѣетъ себя поставить. Впрочемъ, онъ скоро оборвалъ этотъ разговоръ и перешелъ къ предмету свиданія.

Рабочій, видимо, былъ огорченъ, когда Валентинъ сказалъ ему, что не можетъ больше заходить къ нимъ. Полозовъ благодарилъ его за знакомство со мной, но нѣсколько разъ принимался упрашивать Валентина заходить хоть изрѣдка, при малѣйшей возможности. Это мнѣ тоже понравилось: Полозовъ просилъ безъ стѣсненій, какъ товарищъ, увѣренный, что его просьба не покажется навязчивостью. А между тѣмъ о причинахъ, по которымъ должны прекратиться ихъ свиданія, Валентинъ не упомянулъ ни слова, и Полозовъ не распрашивалъ. Видно было, что рабочему ясна роль Валентина, и что онъ умѣетъ уважать чужую конспирацію. Все это я невольно подмѣтила сразу.

Полозовы не были въ какомъ нибудь отношеніи замѣчательными людьми. Они жили на Васильевскомъ Острову, цѣлымъ семействомъ: мать, дочь, молоденькая еще, лѣтъ 14, и вотъ эти самые два брата. Семья — ничего себѣ, хорошая. Мать тоже была хорошая, умная старуха; она имѣла въ общихъ чертахъ понятіе о соціалистахъ и сочувствовала имъ. Тутъ отчасти подмѣшивались личные элементы: ея старшій сынъ былъ сосланъ за пропа-

ганду. Я не знавала его, но слыхала самые прекрасные отзывы. А эти два брата не представляли ничего особеннаго. Они интересовались нашимъ революціоннымъ движеніемъ, интересовались рабочими партіями въ Европѣ, разспрашивали о многомъ, но сами дѣйствовали мало: младшій, фабричный, былъ еще совсѣмъ неразвитъ, сознавалъ это и посвящалъ все свободное время на собственное обученье. Старшій же, дѣйствительно очень умный, какъ то скептически относился къ возможности что нибудь сдѣлать въ Россіи. Лично, впрочемъ, оба были хорошіе ребята.

У нихъ уже давно пробудилось сознательное отношеніе къ жизни. Они понимали значеніе соціалистовъ и дорожили связью съ партіей . . . Въ случаѣ чего, вѣдь они не стали бы сидѣть сложа руки, а пока, въ ожиданіи — они все таки очень дорожили связью съ міромъ активной революціонной дѣятельности, къ которому были привязаны если не своей дѣятельностью, то хоть симпатіями. Нѣтъ, мои отношенія къ Полозовымъ сложились вполнѣ естественно. Они знали, чего я хочу отъ нихъ, и относились ко мнѣ такъ же, какъ къ нужному для себя человѣку. Мы

условились, что я буду навѣщать ихъ, а для того, чтобы эти посѣщенія не казались подозрительными дворнику, я взяла на себя роль учительницы ихъ сестры. Она же, кстати, дѣйствительно, готовилась къ экзамену въ одну школу. Братьямъ я носила книги, газеты и всякія вести изъ своего міра. Они уже не могли безъ этого жить. Нѣтъ, я-то имъ была нужна. А вотъ они мнѣ, дѣйствительно, не очень. Они жили уединенно, своимъ кружкомъ, и черезъ нихъ трудно было даже заводить какія-нибудь связи.

У Коковскаго были, конечно, тогда и болѣе интересные рабочіе. Онъ вѣдь состоялъ членомъ рабочей группы. Но я думаю, въ то время онъ заботился о своихъ Полозовыхъ больше, чѣмъ обо мнѣ. О нихъ, а не обо мнѣ онъ хлопоталъ. Да при томъ для меня на первое время, для ознакомленія съ рабочими, знакомство было вполнѣ подходящее...

Изъ Кіева Валентинъ возвратился только въ сентябрѣ. Тутъ онъ изрѣдка сталъ заходить ко мнѣ на минуту, только справиться, какъ поживаютъ Полозовы. Ходить къ нимъ лично не могъ: некогда было. Потомъ однако мы начали съ нимъ все больше сходиться.

Я увидѣла, что это человѣкъ замѣчательно симпатичный. Дѣйствительно, трудно себѣ представить натуру болѣе мягкую, гуманную, любящую. Обыкновенно, когда говорятъ, что такой то любитъ людей или тамъ человѣчество — это составляетъ въ сущности только фигуральное выраженіе для обозначенія убѣжденій человѣка, а вовсе не характеризуетъ его чувства. У Валентина было не такъ. Онъ дѣйствительно любилъ людей, не въ отвлеченіи только, а совершенно конкретно, тѣхъ самыхъ людей, которые были вокругъ него. Идеалистъ онъ былъ неисправимѣйшій, и, разумѣется, постоянно разочаровывался, мучился, страдалъ всѣмъ существомъ, и всетаки опять увлекался съ прежней вѣрой и силой . . . Вообще я теперь понимаю, что онъ не могъ долго жить. Онъ долженъ былъ сгорѣть безъ остатка и очень скоро. Съ такими требованіями отъ жизни и людей — въ Россіи нельзя жить.

Правда, товарищи любили его. Но это его вовсе не удовлетворяло. Онъ самъ привязывался къ этимъ людямъ гораздо сильнѣе и очень огорчался, замѣчая съ ихъ стороны то, что онъ называлъ только дѣловыми товарищескими от-

ношеніями. По своему они его любили, но по его мѣркѣ это выходило нечто гораздо меньшее, чѣмъ по ихъ. И каждый такой случай болѣзненно мучилъ Валентина, хотя онъ никого не обвинялъ. Со мной онъ былъ очень откровененъ, и часто жаловался на то, что радикальская жизнь „изсушаетъ“ человѣка. „Эта жизнь, говорилъ онъ, истощаетъ нервы: постоянные хлопоты, дѣла, заботы, непріятности, постоянная необходимость жертвовать своимъ чувствомъ дѣловымъ соображеніямъ, постоянная гибель всѣхъ близкихъ людей, которыхъ теряешь, едва успѣвъ къ нимъ привязаться; подумайте, какой громадный запасъ чувства не истощится наконецъ при такихъ условіяхъ? Я думаю, каждый раньше или позже начинаетъ просто бояться всякаго проблеска личнаго чувства, чтобы не дать жизни случая снова бить васъ по наболѣвшему мѣсту. Это неизбѣжно . . . А въ то же время, вѣдь такимъ путемъ можно наконецъ совсѣмъ выдохнуться . . .“

Это я, впрочемъ, передаю только его слова. Вы видите, какъ трудно было на него угодить. А вѣдь и онъ самъ сознавалъ и говорилъ, что въ радикальной средѣ собраны лучшіе

люди: онъ этихъ людей любилъ, гордился ими. Что же сказать объ остальномъ русскомъ мірѣ? Какъ онъ долженъ былъ бить Валентина? Что долженъ былъ перечувствовать Валентинъ, когда на его глазахъ Прѣсняковъ былъ выданъ полиціи и отправленъ на висѣлицу своимъ лучшимъ другомъ? Вѣдь этотъ негодяй, Смирновъ былъ его другомъ и Прѣсняковъ вѣрилъ въ него безусловно. А за что продалъ, за какія сокровища? Только для того, чтобы избавиться отъ административной высылки! Валентинъ всю эту исторію зналъ во всѣхъ перипетіяхъ. Онъ и Смирнова зналъ; между рабочими этотъ человѣкъ даже казался довольно выдающимся. Съ Прѣсняковымъ же Валентинъ состоялъ въ одной группѣ.

Валентинъ иногда разсказывалъ мнѣ разные эпизоды изъ своей жизни. Кое что я слыхала и отъ знакомыхъ, такъ что въ общихъ чертахъ знаю жизнь Валентина. Родился онъ гдѣ то въ Малороссіи, кажется, въ Кіевской губерніи. Отецъ его былъ священникъ. Мать умерла очень рано, такъ что Валентинъ ее даже не помнилъ. Отецъ, оставшись вдовцемъ, привязался къ сыну, какъ рѣдко быва-

етъ, баловалъ его до нельзя, берегъ отъ малѣйшаго непріятнаго впечатлѣнія, отъ малѣйшаго труда. Удивительно, какъ при этомъ могла выработаться такая дѣятельная натура. Должно быть, Валентинъ и учился хорошо, по крайней мѣрѣ, въ университетъ (кіевскій) онъ поступилъ еще совсѣмъ мальчикомъ. Способности у него были богатыя. Ну, въ университетъ онъ, конечно, вступилъ съ благоговѣніемъ. Онъ уже былъ въ то время полонъ всякихъ туманныхъ мечтаній служить человѣчеству . . . Но жить въ университетѣ оказалось далеко не весело. Валентинъ въ своихъ мечтахъ рисовалъ себѣ неясныя картины какого то великаго дѣла. Мелкія студенческія дѣлишки, какія навертывались въ университетѣ, казались ему совсѣмъ не имѣющими смысла. Онъ все искалъ „настоящаго“ дѣла. На товарищей же это производило впечатлѣніе резонерства. Начались насмѣшки, колкости. На Валентина стали смотрѣть, какъ на плохого товарища. Положеніе его стало для него невыносимо, и онъ рѣшился перебраться въ Петербургъ. Въ Кіевѣ Валентину впрочемъ вообще не везло. Даже впослѣдствіи, въ ту поѣздку, съ которой началось

наше знакомство, онъ никакъ не могъ приспособиться къ этому городу; а ужъ, кажется, былъ настоящій хохолъ и никогда не могъ избавиться даже отъ своего малорусскаго акцента. Впрочемъ, въ послѣднюю поѣздку ему мѣшало еще особое обстоятельство. Валентинъ, если ужъ вѣрилъ во что нибудь, то вѣрилъ безусловно. Такъ относился онъ и къ планамъ революціоннаго заговора. Для него это было великое дѣло, отъ исхода котораго зависѣла судьба милліоновъ. И вотъ такое дѣло могло восторжествовать или кончиться жалкой неудачей, смотря по степени умѣлости, осторожности, организованности революціонеровъ . . . Понятно, что Валентинъ сдѣлался фанатическимъ проповѣдникомъ организаціи и всякой конспираціи. Въ Петербургѣ онъ сверхъ того попалъ въ такую среду, которая дѣйствительно умѣла вести дѣла и могла наглядно показать ему, какіе результаты даетъ правильное, организованное веденіе работы. Вѣдь, Валентинъ имѣлъ своими учителями Квятковскаго, Михайлова, Желябова. И онъ гордился этой „школой“. Въ Кіевѣ же господствовалъ совершенно другой типъ революціонера: типъ добраго малаго,

готоваго на всякій протестъ, на всякую лихую штуку, но менѣе всего способнаго подчинить себя какой нибудь системѣ. Валентинъ, разумѣется, со своей точки зрѣнія возмущался этой „распущенностью“, но уничтожить ее не имѣлъ силы. Вступать въ сдѣлки, уступать въ серьезномъ дѣлѣ или даже дипломатничать, въ надеждѣ когда нибудь достигнуть своего — онъ былъ также совершенно неспособенъ. Оставалось, стало быть, только удалиться. „Полная анархія, и не мнѣ ввести въ нее систему; пусть за это берутся люди болѣе сильные“. Такъ формулировавъ мнѣ Валентинъ свои кіевскія впечатлѣнія, по возвращеніи изъ поѣздки.

Я не знаю, сколько премени онъ пробылъ въ кіевскомъ университетѣ. Но положеніе его было тогда самое тяжелое: неудовлетворенность, бездѣйствіе, отчужденность отъ товарищей, словомъ все, что только можно придумать самаго страшнаго для Валентина. Онъ рѣшился попытать счастья въ Петербургѣ и перевелся въ здѣшній университетъ.

Въ Петербургѣ его положеніе сначала было тоже не лучше: такое же бездѣйствіе, такое же одиночество. Валентинъ не находилъ ни

дѣла, ни людей, и уже началъ приходить въ полное отчаяніе. Случайная встрѣча съ Михайловымъ*) выручила его. Михайловъ рекомендовалъ товарищамъ обратить вниманіе на Валентина, и съ нимъ, наконецъ дѣйствительно познакомились Квятковскій и другіе. Нѣкоторое время его еще держали вдалекѣ, поручали разныя мелочи, вообще присматри-

*) Рѣчь идетъ объ извѣстномъ Александрѣ Михайловѣ. Но ошибка думать, что они встрѣтились съ Валентиномъ въ Петербургѣ. Со словъ Михайлова извѣстно, что онъ съ Валентиномъ дѣйствительно случайно столкнулся еще во время своей поѣздки въ Кіевѣ, въ маѣ 1879 года. Съ обыкновенной своей проницательностью Михайловъ сразу оцѣнилъ Валентина, и самъ совѣтовалъ ему перебраться въ Петербургъ, куда Валентинъ прибылъ повидимому осенью 1879 г. Въ то время Михайлова въ Петербургѣ уже не было. Пробывъ тутъ очень недолго, во время Петербургскаго съѣзда, окончательно разорвавшаго „Землю и Волю“ на двѣ фракціи, и дождавшись выработки программы „Народной Воли“, Михайловъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ оставался до самаго декабря 1879 г. Такимъ образомъ онъ не могъ поддерживать сношеній съ Валентиномъ, но товарищамъ говорилъ о немъ, настоятельно совѣтуя свести знакомство. „Изъ этого мальчика, говорилъ Михайловъ, можетъ выработаться крупнѣйшій дѣятель“. Въ срединѣ октября съ Валентиномъ народовольцы уже были знакомы.

вались. Тутъ между прочимъ онъ участвовалъ, вмѣстѣ съ Гриневецкимъ, въ слѣженіи за Гурко. Наконецъ, Валентина пустили на серьезную, самостоятельную роль въ рабочей группѣ. Онъ совсѣмъ ожилъ и развернулся. Эта дѣятельность давала широкій просторъ его способностямъ. Онъ вѣрилъ въ народъ и среди него онъ чувствовалъ себя на „прочной почвѣ", какъ любилъ выражаться.

Въ это время я съ нимъ и подружилась.

Хорошее, живое было это время. Новое, народовольческое направленіе находилось въ порѣ самаго свѣжаго, молодаго роста. Оно должно было пробивать себѣ дорогу черезъ множество препятствій, но дѣлало это уже съ полною увѣренностью въ своей силѣ и побѣдѣ. Сила революціоннаго движенія видимо росла, а съ ней росло и всеобщее оживленіе. Въ молодежи шли повсюду толки о программахъ, о дѣятельности въ народѣ, о политикѣ и захватѣ власти, толки, согрѣтые увѣренностью въ полной реальности нашихъ общихъ надеждъ. Между прочимъ въ молодежи того времени чрезвычайно усилилось стремленіе дѣйствовать среди городскихъ рабочихъ. Множество студентовъ и студентокъ,

не находясь ни въ какихъ связяхъ съ революціонными организаціями, самостоятельно заводили связи между рабочими. Я бы могла назвать цѣлый рядъ своихъ личныхъ знакомыхъ, имѣвшихъ такія связи и самостоятельно занимавшихся пропагандой. Это стремленіе очень поощрялось народовольцами, которые одновременно съ этимъ постоянно возбуждали вопросъ о сліяніи обѣихъ партій (т. е. ихъ и чернопередѣльцевъ) на одной и той же работѣ въ народѣ. Впрочемъ, и помимо этого, дѣятельность среди молодежи и среди рабочихъ какъ-то естественно переплетались между собой: при широкой пропагандѣ среди рабочихъ невозможно обойтись безъ молодежи; съ другой стороны, дѣйствуя среди молодежи, приходится указывать ей какія нибудь средства для ея революціонной выработки, а въ этомъ отношеніи — дѣятельность среди рабочихъ представляется самой подходящей. Такимъ образомъ мы съ Валентиномъ постоянно встрѣчались.

Я сначала хотѣла дѣйствовать среди рабочихъ и познакомилась съ Полозовыми. Потомъ я мало по малу стала расширять связи самостоятельно, потому что я въ то время

еще не принадлежала совсѣмъ къ организаціи. Такъ я познакомилась еще съ тремя рабочими, и вообще около полугода вращалась до нѣкоторой степени въ этой средѣ. Но я вскорѣ стала убѣждаться, что въ сущности это не женское дѣло. Сойтись съ рабочими не трудно, и поставить себя съ ними тоже не трудно, но сношенія съ ними для женщины слишкомъ странны и возбуждаютъ подозрѣніе въ окружающихъ. Для избѣжанія этихъ подозрѣній приходится съеживаться, съуживать свою пропаганду, и, наконецъ, оказывается, что результаты совершенно не окупаютъ времени и труда. Такъ, напримѣръ, я съ Полозовыми должна была разстаться черезъ 3 мѣсяца. Ихъ денежныя дѣла пошли плохо, такъ что семьѣ пришлось перебраться на другую квартиру и принять цѣлую кучу жильцовъ. Я очутилась въ очень неловкомъ положеніи: особенно бабы, жилички, надоѣдали своими распросами, кто я, да чѣмъ занимаюсь, да много ли зарабатываю и т. п. Вообще — положеніе мое въ глазахъ жильцевъ было очень странное, а съ самими Полозовыми часто нельзя было и слова сказать. Мать иногда помагала немного. Слу-

чалось, что когда я уходила, послѣ безцѣльно и безцвѣтно потраченнаго вечера, старуха приказывала кому нибудь изъ сыновей проводить меня. Такимъ образомъ, мы получали возможность немного потолковать, но въ концѣ концовъ все это такъ мало вознаграждало. . . . Положеніе мущины гораздо удобнѣе. . . .

Ну, я мало по малу и начала оставлять рабочихъ, переходя все больше въ среду молодежи. Потомъ я уже формально присоединилась къ народовольческой организаціи, именно поступила въ группу, которая дѣйствовала среди студенчества. Но, повторяю, эти двѣ сферы находились тогда въ постоянномъ общеніи. Старанія народовольцевъ — слить всѣ силы на рабочемъ дѣлѣ давали еще больше поводовъ къ тому, чтобы лица, занятые пропагандой среди рабочихъ, постоянно появлялись передъ студенческими кружками, проповѣдуя это сліяніе. Этотъ вопросъ постоянно возбуждался, для этого созывались собранія, приглашались на диспуты народовольцы и чернопередѣльцы. . . . Надо сказать, что чернопередѣльцы принадлежали по преимуществу къ студенчеству и мало дѣйство-

вали даже среди рабочихъ: они занимались больше всего собственной подготовкой. Однако же бывали всетаки случаи, что на одной и той же фабрикѣ сталкивались народовольцы и чернопередѣльцы, причемъ между ними начинались прерѣканія и споры, которые, разумѣется, производили на рабочихъ самое печальное впечатлѣніе. Рабочіе всѣхъ насъ одинаково называли соціалистами и плохо понимали фракціонныя различія принциповъ, но видѣли только, что люди, проповѣдующіе другимъ объединеніе и организацію, между собою грызутся, ссорятся, соперничаютъ. . . . Понятно, что этому необходимо было положить конецъ. Народовольцы, которымъ больше приходилось дѣйствовать, чувствовали болѣе ясно необходимость прекратить возможность такихъ столкновеній. Чернопередѣльцы въ принципѣ не отвергали самой мысли о соглашеніи, но въ частностяхъ сходились туго. Такъ, напримѣръ, помню я случай съ „Программой рабочихъ членовъ партіи Народной Воли“*). Одна моя пріятельница, М., рьяная чернопередѣлка, давно уже мнѣ говорила,

*) Эта программа напечатана въ 3 № „Былого“.

что народовольцы вырабатываютъ программу по рабочему дѣлу, которая будетъ предложена на обсужденіе и имъ, черноперед'ѣльцамъ. Я въ это время уже принадлежала, по симпатіямъ, къ народовольцамъ, но къ организаціи еще не примкнула, и вообще держалась въ неопред'ѣленномъ положеніи. Поэтому М. пригласила и меня на собраніе. Это было въ октябр'ѣ м'ѣсяц'ѣ (1880 г.). Народовольцы предъявили свою программу, выработанную ихъ рабочей группой. Средактирована же она была Валентиномъ. Собраніе черноперед'ѣльцевъ было, помню, очень многочисленно, и къ программ'ѣ они придирались страшно. Особенно сама М. нападала на каждый пунктъ, говоря, что тутъ н'ѣтъ никакихъ „уступокъ". . . . Упрекъ въ сущности совс'ѣмъ неосновательный, потому что народовольцы и не об'ѣщали никакихъ уступокъ, а только выражали надежду, что на ихъ программ'ѣ д'ѣятельности среди рабочихъ могутъ сойтись и черноперед'ѣльцы. . . Такимъ образомъ общаго соглашенія не состоялось, хотя много отд'ѣльныхъ лицъ, какъ вамъ изв'ѣстно, присоединилось къ программ'ѣ Народной Воли.

Для Валентина это была пора самой оживленной дѣятельности. Онъ состоялъ въ рабочей группѣ и въ редакціи „Рабочей Газеты“ *). Съ рабочими онъ велъ дѣло замѣчательно. Онъ ихъ любилъ просто съ какой-то нѣжностью. Кажется, не было для него большаго удовольствія какъ разсказать о нихъ что нибудь хорошее . . . ну однимъ словомъ о ихъ способности къ самоотверженности и т. п. Помню, между прочимъ, говорилъ онъ мнѣ объ одномъ рабочемъ, который запустилъ всѣ свои дѣла, тратя все время на пропаганду и организацію среди своихъ собратьевъ; жить приходилось въ страшной бѣдности, а на рукахъ — цѣлая семья; но онъ все таки упорно отвергалъ предложенія хоть о малѣйшей помощи со стороны радикаловъ. Этотъ героизмъ и благодарная гордость приводили Валентина въ умиленіе. Но не думайте, чтобы онъ способенъ былъ только умиляться передъ рабочими. Я была разъ

*) Изъ литературныхъ работъ Валентина можно указать статью: „Рабочее житье-бытье“ въ №№ „Рабочей Газеты“. Затѣмъ — Валентину же принадлежитъ литературная редакція означенной „Программы рабочихъ членовъ партіи Народной Воли“.

на рабочемъ собраніи, которое, несправедливо обвиняя революціонеровъ, не хотѣло исполнять принятыхъ на себя обязанностей. Валентинъ возмутился и вспыхнулъ . . . Я даже не подозрѣвала, какія нотки имѣются въ его голосѣ. Рѣзко, повелительно — онъ разругалъ ихъ страшнѣйшимъ образомъ, и — право не у многихъ бы хватило силы возражать ему: этотъ безбородый юноша выросъ въ моихъ глазахъ сразу на цѣлую голову, когда я услышала эти внушительные звуки, передъ которыми оробѣла и съежилась цѣлая куча людей, вдвое старше его по возрасту. О, да, онъ умѣлъ при надобности „скрутить“ людей получше чѣмъ тѣ, кто думаетъ выѣзжать на одной дисциплины. Вообще — въ немъ иногда сверкала громадная сила характера. Работалъ онъ тоже неутомимо. Лично поддерживая множество рабочихъ знакомствъ, онъ посѣщалъ также постоянно студенческія сходки, вербуя дѣятелей для рабочей сферы, отстаивая народовольческую программу и проповѣдуя слiяніе всѣхъ на „нейтральной почвѣ народнаго дѣла . . .“ Я въ это время поступила въ студенческую группу: тамъ было всего 5 человѣкъ студентовъ и студентокъ изъ разныхъ

учебныхъ заведеній и трое нелегальныхъ: Франжоли, Вѣра Ник. Фигнеръ и Перовская. Франжоли тогда уже былъ хромой калѣка, съ пожелтѣвшимъ, изможденнымъ лицомъ, какъ старая икона мученика, но — вѣчно горѣлъ и увлекался не хуже Валентина. Кстати сказать, они были между собою очень дружны. Валентинъ познакомился съ Франжоли уже послѣ его побѣга изъ ссылки, въ Петербургѣ, и сильно привязался къ нему и женѣ его, Завадской. Тѣ его тоже любили. Валентинъ часто просиживалъ цѣлые часы у постели больного Франжоли, который иной разъ не могъ перевернуться безъ боли съ одного бока на другой, но со сверкающими глазами и вдохновеннымъ видомъ не уставалъ толковать со своимъ молодымъ другомъ о дѣятельности, о нравственныхъ задачахъ, о народѣ . . . Это тоже была оригинальная личность, Франжоли . . .

Самъ Валентинъ къ нашей группѣ не принадлежалъ, но на собранія молодежи являлся часто вмѣстѣ съ нами. Иногда приходилъ и Желябовъ. Они дѣйствовали постоянно сообща.

Интересно, что въ отношеніяхъ между Валентиномъ и Желябовымъ громко звучала такая же товарищеская нотка, какъ у Валентина съ рабочими. Желябовъ былъ уже почти знаменитость. Его ораторская слава гремѣла въ революціонныхъ кружкахъ Петербурга; его организаторская роль уже выдвинула его на первый планъ среди самыхъ вліятельныхъ членовъ партіи. Валентинъ, конечно, былъ только скромнымъ ученикомъ, да и по лѣтамъ онъ былъ сравнительно съ учителемъ еще совсѣмъ юноша. Но ни малѣйшаго отношенія снизу вверхъ не было замѣтно въ Валентинѣ рядомъ съ Желябовымъ. На собраніяхъ они дѣйствовали постоянно дружно, ловко поддерживая одинъ другого, и хотя вообще Желябовъ, разумѣется игралъ первую роль, но случалось и наоборотъ. Видно было, что ни одинъ изъ нихъ не чувствовалъ неловкости, когда младшему товарищу почему нибудь приходилось выручать старшаго. Но уважалъ Валентинъ Желябова чрезвычайно. „Тарасъ“ — такъ звали тогда Желябова — былъ его любимый герой.

Помню я одинъ случай на этихъ сходкахъ, когда Желябовъ подвергался большому риску.

Вообще, это былъ для него несчастный день. Одинъ изъ членовъ нашей группы, N-скій, назначилъ у себя сходку студентовъ для обсужденія способовъ дѣятельности среди рабочихъ. Сходка сперва назначалась на вечеръ, но потомъ, не знаю почему, это перемѣнили, и вся компанія собралась утромъ. Пришло всего человѣкъ 15. А въ это время сходки были уже очень стѣснены. Бывало, соберется человѣкъ 10, и то уже замѣтно, и то — того гляди — донесутъ въ полицію. Пришелъ и Желябовъ. Начались разговоры. Тарасъ былъ ужасно не въ ударѣ: я его такимъ никогда не видѣла. Онъ казался до нельзя усталымъ, разсѣяннымъ, не могъ собраться съ мыслями . . . Иногда онъ какъ будто хотѣлъ встрепенуться и развернуться въ спорѣ, но каждый разъ чрезвычайно неудачно, не находилъ словъ, и снова погружался въ апатію . . . Валентинъ потихоньку шепнулъ мнѣ: „Ну, провалился нынче нашъ Тарасъ, придется устроивать ему другую сходку: фонды подымать“. А между тѣмъ споръ понемного разгорался, голоса стали возвышаться. Одинъ изъ присутствующихъ, Л., который обыкновенно отличался упорной нѣмотой, тутъ вдругъ

пришелъ въ экстазъ, вскочилъ и закричалъ буквально во всю глотку, излагая какія-то свои соображенія . . . Валентинъ, видя полную неудачу Желябова, поднялся и сталъ говорить . . . Я сидѣла съ нимъ рядомъ, спиной къ двери и лицомъ къ зеркалу на противоположной стѣнѣ комнаты. Только вдругъ, въ самый разгаръ рѣчи Валентина, въ зеркалѣ передо мной отразилась неожиданная картина: отворенная за нашими спинами дверь, а въ дверяхъ мрачная, нахмуренная фигура дворника . . . Этотъ моментъ врѣзался у меня въ памяти навѣки. Какъ теперь, вижу передъ собой эти лица, секунду назадъ оживленныя, раскраснѣвшіяся, а теперь сразу поблѣднѣвшія и смущенныя. Я невольно взглянула на Желябова: онъ сидѣлъ — блѣдный и, очевидно, растерялся . . . Валентинъ моментально измѣнилъ тему и вмѣсто рабочаго дѣла сразу свелъ рѣчь на недавній фельетонъ „Голоса“, преувеличенно громко крича. У него, очевидно мелкнула мысль одурачить дворника. Среди мертваго молчанія пятнадцати человѣкъ какъ то дико звучалъ неестественно громкій голосъ Валентина, а потомъ, еще черезъ секунду, Валентинъ вдругъ также сразу смолкъ

и опустился на стулъ со словами: „вотъ скандалъ то!“ Вся эта сцена продолжалась не болѣе нѣсколькихъ секундъ . . .

— Господа, сказалъ дворникъ, что это у васъ за собраніе?

Хозяинъ вышелъ изъ толпы и заявилъ довольно твердо, что онъ сегодня имянинникъ, почему и пригласилъ къ себѣ гостей. Дворникъ недовѣрчиво обвелъ насъ глазами.

— Ну, какъ вамъ будетъ угодно, г. N-скій, я долженъ донести . . . Нынче этого не дозволяется. Я долженъ пойти въ участокъ... Какъ вамъ угодно . . .

Онъ скрылся за дверями. Въ комнатѣ сразу поднялся невообразимый гамъ. Что теперь дѣлать? Со всѣхъ сторонъ тревожные голоса раздавались одновременно и, другъ другу мѣшая, торопились внести одно и то же предложеніе. Дѣло ясно, конечно: Желябовъ долженъ былъ немедленно уйти, а всѣ остальные, какъ легальные, должны были оставаться и разыгрывать до конца комедію имянинной пирушки. Валентинъ тоже былъ легальный: онъ все еще числился студентомъ университета. Онъ могъ и долженъ былъ оставаться. Но Желябовъ, должно быть разсерженный

своей минутной слабостью, какъ будто рѣшился на вѣки вытравить изъ головы присутствующихъ малѣйшую мысль о томъ, что онъ, Желябовъ, можетъ чего нибудь испугаться. Онъ вдругъ оживился, повеселѣлъ, началъ шутить, увѣрялъ, что все глупости, и ему вовсе не зачѣмъ уходить . . . Не могу вамъ выразить этого томительнаго, раздражающаго ошущенія. Тутъ каждая секунда дорога, въ каждый моментъ можетъ ввалиться полиція, а онъ смѣется, анекдоты разсказываетъ, тратитъ послѣднее время. Въ концѣ концовъ онъ, конечно, долженъ былъ уйти, это каждый понималъ: уже хотя бы для того, чтобы насъ не компрометировать. Но, тратя дорогія минуты, Желябовъ, дѣйствительно, могъ дождаться, что уже станетъ поздно . . . Валентинъ схватилъ пальто и, накидывая его на плечи Тараса, со злостью крикнулъ: „Да уходите же, пожалуйста! Будетъ вамъ . . .“ Такимъ образомъ нѣсколько рукъ почти насильно вытолкали Желябова за двери. Онъ ушелъ, а мы съ безпокойствомъ кинулись къ окнамъ. Комната опять стихла. Мы прислушивались, стараясь угадать, что дѣлается на дворѣ: нѣтъ ли полицейскихъ около дома, не схватятъ ли

Желябова. Но все было тихо. Не слышно ни шума, ни крика. У всѣхъ отлегло на сердцѣ. Ясно, что Тарасъ ушелъ благополучно. И тутъ уже у насъ поднялась суета и шумъ другого рода. Со смѣхомъ и шутками мы наскоро декорировали имянинную пирушку. Стулья шумно придвинулись къ столу, на которомъ моментально появилась водка, закуска, пиво . . . Откуда только что взялось! Вся компанія, на этотъ разъ дѣйствительно веселая, начала пить и болтать въ ожиданіи нашествія . . .

Не больше какъ черезъ нѣсколько минутъ дверь дѣйствительно снова отворилась и — показался околодочный надзиратель. Онъ былъ одинъ, даже безъ дворника. N-скій развязно объяснилъ, что дворникъ — дуракъ, поднялъ тревогу неизвѣстно съ чего: „Какія тутъ собранія, помилуйте, просто товарищи пришли выпить, да поболтать“. Околодочный со строго недовѣрчивой миной обошелъ гостей и записалъ наши фамиліи, но, исполнивъ эту церемонію, смягчился и даже, по приглашенію хозяина, присѣлъ „закусить“. Напился онъ до положенія ризъ. Совершенно пьяный, онъ расшутился, разболтался и началъ

наконецъ разсказывать такіе анекдоты, что намъ, женщинамъ, пришлось спасаться бѣгствомъ . . .

Такъ благополучно кончилась эта исторія, грозившая было разыграться очень трагически.

Въ февралѣ 1881 года однажды зашла ко мнѣ Завадская, жена Франжоли, и сообщила, что Валентинъ очень боленъ. Я его за это время не видала что-то очень долго.

Нѣсколько времени передъ этимъ у меня вышелъ очень непріятный случай съ Франжоли. Я только что возвратилась съ лекціи объ атаксіи, какъ зашелъ ко мнѣ Франжоли. Онъ съ трудомъ ходилъ, хромалъ, казался очень истощеннымъ и въ какомъ-то нервномъ состояніи. На мой вопросъ, онъ разсказалъ, что совершенно измученъ какой-то странной болѣзнью. Еще въ 1874 г., будучи арестованъ, онъ, при перевозѣ его изъ Одессы въ Петербургъ, выскочилъ изъ вагона желѣзной дороги и при этомъ сильно ушибъ позвоночный столбъ. Этому-то ушибу онъ приписывалъ свою болѣзнь. Когда онъ разсказывалъ мнѣ ея симптомы, я, подъ впечатлѣніемъ только что выслушанной лекціи, забылась и слово

„атаксія“ невольно сорвалось у меня . . . Франжоли началъ распрашивать, что это за болѣзнь. Патологія лежала тутъ-же на столѣ. Онъ сталъ перелистывать ее . . . Вы знаете, эта болѣзнь страшная, неизлечимая, кончающаяся общимъ параличемъ. Франжоли однако не казался обезпокоеннымъ, или, можетъ быть, не вчитался какъ слѣдуетъ, и только спросилъ, долго-ли тянется этотъ процессъ разрушенія. Я сказала успокоительно, что это можетъ продолжаться 15—20 лѣтъ, и онъ даже пошутилъ: „Ну, значитъ, бояться нечего: я столько лѣтъ не проживу“. На всякій случай, я всетаки постаралась высказать нѣсколько соображеній, которыя должны были уничтожить его подозрѣнія. И онъ ушелъ совсѣмъ спокойный, хотя патологію взялъ таки съ собой. Какъ было этому помѣшать?

Вообще, конечно, я поступила крайне неосторожно, но въ концѣ концовъ была увѣрена, что все обошлось прекрасно. Но вотъ теперь прибѣгаетъ ко мнѣ Женичка (Завадская) и сообщаетъ, что съ мужемъ ея богъ знаетъ, что дѣлается. Оказалось, что отъ меня онъ отправился въ одно знакомое семейство и тамъ почувствовалъ себя совсѣмъ

дурно. Очевидно, разговоръ у меня произвелъ на него страшное впечатлѣніе. Онъ казался совершенно разстроеннымъ и не въ состояніи былъ двигаться. Его привезли домой, и съ тѣхъ поръ онъ лежитъ совсѣмъ больной, чувствуя себя съ каждымъ днемъ хуже. Женичка просила меня свести его въ клинику, на консультацію, и попросить доктора, чтобы онъ успокоилъ больного, а настоящую болѣзнь сказалъ бы мнѣ, а не ему. Тутъ же Завадская сказала, что и Валентинъ боленъ, такъ что въ клинику за одно слѣдуетъ свести и его.

На другой день я пошла съ ними обоими и узнала страшную истину: у Валентина началась бугорчатка. Болѣзнь Франжоли докторъ не умѣлъ окончательно опредѣлить, но ясно было, что это нѣчто очень серьезное... Впрочемъ, согласно моей просьбѣ, докторъ успокоилъ его. Валентину онъ тоже ничего не сказалъ о бугорчаткѣ, а только приказалъ ему немедленно ѣхать въ Крымъ. Болѣзнь его вѣроятно была наслѣдственная. Но болѣзненный процессъ нашелъ самую благопріятную почву въ этомъ организмѣ, истощенномъ плохимъ питаніемъ, бѣготней по

всякой погодѣ, въ морозъ и слякоть, въ драной одѣждѣ и рваныхъ сапогахъ, а больше всего — постояннымъ нервнымъ напряженіемъ, рѣчами и спорами. Бугорчатка развивалась у него необыкновенно быстро, и докторъ сказалъ, что съ отъѣздомъ нельзя медлить ни одного дня . . .

Вечеромъ я навѣстила Валентина. Онъ только теперь въ первый разъ сказалъ мнѣ адресъ своего жилища. Это была крохотная комнатка, гдѣ едва помѣщались комодъ, кровать и столъ; единственное окно выходило на грязный дворъ. Въ комнатѣ было душно, воздухъ спертый. Жарко натопленная печь едва позволяла сидѣть въ комнатѣ, а Валентинъ трясся отъ озноба. Я смотрѣла на него, какъ на приговореннаго къ смерти. Онъ замѣтно измѣнился къ худшему даже въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, съ утра. Лихорадочно воспаленные глаза, температура 40°, страшное нервное возбужденіе — все показывало безпощадную работу разрушенія въ его организмѣ. Докторъ предписалъ ему полное спокойствіе. Но какъ исполнить это предписаніе? Больной, напротивъ, находился въ состояніи крайняго возбужденія. Онъ

возмущался всѣмъ. „Это богъ знаетъ что! Куда я теперь уѣду? Зачѣмъ?“ Онъ пускался въ длинные разсказы о томъ, какъ долго рвался къ дѣлу, какъ трудно ему было найти примѣненіе своимъ силамъ. „И вотъ теперь, когда все только что поставлено, когда я знаю, зачѣмъ живу на свѣтѣ — я долженъ уѣхать! Это невозможно.“ Я старался заставить его замолчать, пыталась сама говорить, но онъ не слушалъ, перебивалъ и опять разражался цѣлыми потоками взволнованныхъ рѣчей . . . Между прочимъ я узнала, что въ этотъ самый день у него былъ Желябовъ и оффиціально, отъ имени организаціи, заявилъ ему, чтобы онъ немедленно уѣзжалъ въ Крымъ и оставался тамъ, пока не поправиться . . . „Скажите, пожалуйста, вдругъ обращался ко мнѣ Валентинъ: да что же со мной будетъ, если я не уѣду?“ Я отвѣчала, что отъ этого могутъ быть самыя серьезныя послѣдствія. „Да что же именно? Вѣдь не умру же я, наконецъ? Они говорятъ — какіе то прыщики въ горлѣ . . . Ну, что же будетъ? Скажите! . . . У меня языкъ не поворачивался сказать ему что-нибудь о смерти . . . „Увѣряю васъ, что это очень серьезно“.

„Да вѣдь не умру же я отъ этой болѣзни?“. . . Это была настоящая пытка. Я насилу ушла.

На другой день мы его провожали. Онъ пришелъ на квартиру Франжоли. Тутъ же была и Перовская. Меня тоже позвали. Я никогда еще не была на этой квартирѣ. Тутъ помѣщалась, очевидно, какая-то мастерская, можетъ быть, динамитная . . . не знаю. Я, конечно, не спрашивала. Въ атмосферѣ лабораторнаго воздуха, среди какихъ то приборовъ и склянокъ, словно тѣнь, двигалась искривленная фигура Франжоли. Онъ и Валентинъ жалѣли другъ друга тѣмъ сильнѣе, что ни одинъ изъ нихъ не понималъ опасности собственнаго положенія. Франжоли, благодаря доктору, уже успокоился. Валентинъ ничего не зналъ про свою бугорчатку и нисколько не ждалъ смерти. И вотъ эти кандидаты на тотъ свѣтъ старались изо всѣхъ силъ ободрить другъ друга. Господи, какъ тяжела была эта сцена . . . Но ужъ, конечно, никто изъ насъ не думалъ въ ту минуту, чтобы изъ всѣхъ присутствующихъ раньше всѣхъ умерла здоровая, цвѣтущая Софья Перовская . . . Ласково прощалась она съ Валентиномъ: „Выздоравливайте поскорѣй,

возвращайтесь, еще поработаемъ вмѣстѣ.“ И онъ тоже повторялъ: „Еще увидимся. Жаль, что немного пришлось вмѣстѣ дѣйствовать, ну да еще будетъ время . . .“

Но время это больше не наступило. Черезъ два мѣсяца Софья Перовская уже качалась чернымъ трупомъ на веревкѣ. Той же весной и Валентинъ умеръ въ Крыму . . .

III.

Пребываніе Халтурина въ Зимнемъ дворцѣ.

(Изъ Календаря Народной Воли на 1883 г.)

До 1879 года Халтуринъ былъ извѣстенъ исключительно своею пропагаторскою и организаторскою дѣятельностью среди петербургскихъ рабочихъ. Но въ этомъ отношеніи онъ былъ извѣстенъ какъ человѣкъ въ высшей степени энергичный и умный. Уже въ 1878 году (Халтуринъ появился въ качествѣ революціонера въ 1873 г.) онъ пользовался среди рабочихъ, подъ именемъ Степана, популярностью, очень рѣдкою у насъ, и заявилъ себя нѣсколькими организаціонными попытками на широкую ногу. Основанный имъ „Сѣверный Рабочій Союзъ", считавшій сотнями своихъ членовъ, продержался недолго, но представлялъ, конечно, самую крупную у насъ попытку чисто рабочей организаціи. Не менѣе

Замѣчаніе: Настоящая замѣтка составлена на основаніи разсказовъ разныхъ вполнѣ благонадежныхъ лицъ, слышавшихъ въ свою очередь разсказъ объ этомъ эпизодѣ отъ Желябова и Халтурина.

извѣстна попытка Халтурина создать чисто рабочую газету. Типографія ея была основана на сревства и стараніями группы, состоявшей исключительно изъ рабочихъ. Изъ рабочихъ же состоялъ весь персоналъ типографіи и редакціи. Къ сожалѣнію газета, вмѣстѣ съ типографіей, была заарестована при наборѣ перваго же нумера и не оставила по себѣ ничего, кромѣ памяти о попыткѣ чисто рабочаго органа, не повторявшейся уже потомъ ни разу.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ неудачъ, постоянно встрѣчая на своемъ пути императорскую полицію и политику, разрушающія въ зародышѣ всякое проявленіе рабочаго дѣла, Халтуринъ пришелъ къ мысли протестовать посредствомъ убійства царя. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти мысли родились у него такъ же самостоятельно, какъ у Соловьева. Впрочемъ въ то время она появлялась какъ-то сама собою у множества людей. „Александръ II долженъ былъ убитъ рабочимъ, говорилъ Халтуринъ; пусть не думаютъ русскіе цари, что рабочіе — болваны, не понимающіе ихъ истиннаго значенія для народа.“ Эта мысль, — что царь, обманывающій русскій

народъ, долженъ погибнуть отъ руки человѣка изъ народа, — гвоздемъ засѣла въ головѣ Халтурина. Говорятъ, что онъ совѣтовался съ рабочими и получилъ ихъ одобрѣніе. Самъ Халтуринъ говорилъ даже одному лицу, что онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по порученію какого то рабочаго кружка. Какъ бы то ни было, онъ обратился осенью 1879 г. къ Исполнительному Комитету съ предложеніемъ не только своихъ услугъ, но даже съ цѣлымъ планомъ, уже на половину выполненнымъ.

Дѣло въ томъ, что, задумавши цареубійство, Халтуринъ сталъ прежде всего искать средствъ поближе подойти къ царю. Какъ рабочій, чрезвычайно искусный по своей спеціальности (столяръ), и какъ человѣкъ съ огромнымъ знакомствомъ въ петербургскомъ рабочемъ мірѣ, Халтуринъ могъ, дѣйствительно, проникнуть куда угодно: и въ мастерскія, и во дворцы, и въ монастыри, и въ казармы. Поискавъ и разнюхавши разные ходы, онъ дѣйствительно попалъ на какую то царскую яхту, гдѣ нужно было что-то отдѣлывать и лакировать, а Халтуринъ славился особенно какъ знаменитый лакировщикъ и

составитель лаковъ. На яхтѣ онъ разъ видѣлъ кого то изъ царской фамиліи, чуть ли не самого Александра II. Но, самое главное, здѣсь онъ зарекомендовалъ себя искусснымъ рабочимъ и могъ поэтому, посредствомъ ряда рекомендацій, получить мѣсто въ Зимнемъ дворцѣ. Само собою разумѣется, что рекомендующія лица не имѣли понятія о томъ, что Халтуринъ человѣкъ нелегальный и революціонеръ. Добившись этого важнаго успѣха, Халтуринъ, какъ сказано выше, обратился къ Исполнительному Комитету съ предложеніемъ взорвать Зимній дворецъ, можетъ быть, со всѣмъ царскимъ семействомъ. Отъ Исполнительнаго Комитета онъ требовалъ помощи разнаго рода свѣдѣніями, и главное — снабженія его динамитомъ. Это предложеніе, совпадавшее съ постановкою Исполнительнымъ Комитетомъ цѣлаго ряда другихъ предпріятій противъ Александра II, было, разумѣется, принято, и, по первоначальнымъ предположеніямъ, взрывъ дворца рѣшено было ввести, какъ резервъ, въ сѣть другихъ предпріятій. На самомъ дѣлѣ вышло однако иначе.

Во дворецъ Халтуринъ поступилъ, кажется, около октября 1879 года, и первое время,

конечно, былъ занятъ исключительно развѣдками въ этомъ новомъ для него мірѣ. Царь въ это время проживалъ еще въ Ливадіи, и во дворцѣ по этому случаю все было свободно, безъ стѣсненій, безъ присмотра. Нравы и обычаи новыхъ сотоварищей поражали Халтурина. Прежде всего удивителенъ былъ безпорядокъ въ управленіи. Распущенность прислуги и страшное повальное воровство сверху до низу превосходили всякое вѣроятіе. Дворцовые товарищи Халтурина устраивали у себя пирушки, на которыя свободно приходили, безъ контроля и надзора, десятки ихъ знакомыхъ. Въ то время, какъ съ парадныхъ подъѣздовъ во дворецъ не было доступа самымъ высокопоставленнымъ лицамъ, черные ходы, во всякое время дня и ночи, были открыты для всякаго трактирнаго знакомца самаго послѣдняго дворцоваго служителя. Нерѣдко посѣтители оставались и ночевать во дворцѣ, такъ какъ остаться тамъ было безопаснѣе, чѣмъ идти поздно ночью домой по улицамъ, на которыхъ усердствовала полиція Гурко. Воровство дворцоваго имущества оказывалось настолько всеобщимъ, что даже Халтуринъ принужденъ былъ ходить

воровать съѣстные припасы, чтобы не показаться подозрительнымъ. Впрочемъ нельзя было и не воровать. Едва-ли кто повѣритъ, чтобы у русскаго царя дворцовые камердинеры получали по 15 р. въ мѣсяцъ. И однако же жалованье дворцовой прислуги было именно таково.

Халтуринъ, поступившій во дворецъ съ фальшивымъ паспортомъ, въ конторѣ числился крестьяниномъ Олонецкой губерн., и старался разыгрывать роль простяка. Онъ всюду удивлялся, обо всемъ разспрашивалъ. Его учили придворнымъ порядкамъ, какъ говорить, какъ отвѣчать, какъ себя держать. Надъ его неуклюжими манерами, надъ его притворной привычкой чесать за ухомъ потѣшалось все „полированное“ лакейство. „Нѣтъ, братъ, нѣтъ! Полировать ты дѣйствительно мастръ, такъ что блоха не вскочитъ*), а обращенія настоящаго не понимаешь.“ Неотесанному мужику всякій старался пустить пыль въ глаза,

*) Это — высшая похвала полировщику. Значитъ, если на отполированную имъ вещь пустить блоху, то она не можетъ вскочить: настолько гладка поверхность, что даже блошиная нога скользитъ. Рабочіе утверждаютъ, что это дѣйствительно бываетъ.

и изъ множества разсказовъ Халтуринъ скоро познакомился съ жизнью даже и верхнихъ этажей дворца. Что касается самаго зданія, то Халтуринъ, конечно, скоро съ нимъ вполнѣ ознакомился. Съ любопытствомъ осматривалъ онъ царскіе покои, видѣлъ всѣ эти несмѣтныя богатства, видѣлъ комнату, гдѣ хранятся груды золотыхъ и серебряныхъ вещей и множество драгоцѣнныхъ камней, видѣлъ и только удивлялся, почему это все не раскрадено еще: до такой степени небреженъ былъ надзоръ. Познакомившись съ расположеніемъ комнатъ, Халтуринъ убѣдился, что подвалъ, гдѣ живутъ столяры, а въ томъ числѣ и онъ, находится какъ разъ подъ царской столовой, а въ среднемъ этажѣ между подваломъ и столовой помѣщается кордегардія дворцоваго караула. Обстоятельства такимъ образомъ складывались благопріятно для замысловъ Халтурина; но, несмотря на это, онъ не могъ приступить ни къ какимъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, такъ какъ въ это время во дворцѣ началась усиленная уборка, чистка, вообще работа. Царь долженъ былъ скоро пріѣхать, и во дворцѣ засуетились. Халтуринъ былъ заваленъ работою и, какъ лучшій столяръ, работалъ глав-

нымъ образомъ въ царскихъ покояхъ, въ кабинетѣ и т. д., между прочимъ и въ столовой, которую собирался взорвать. Выходить изъ дворца было некогда, работать надъ „своей“ работой тоже. Въ общей сложности вышло, что первоначальный планъ Исполнительнаго Комитета — превратить дворецъ въ резервный пунктъ, на случай неудачи въ другихъ мѣстахъ, не осуществился. Въ Одессѣ, Александровскѣ, Москвѣ, ко времени отъѣзда царя изъ Крыма, все было готово для его встрѣчи. Но дворецъ оставался совершенно невооруженнымъ*).

Настала средина ноября. Царь выѣхалъ изъ Крыма сухимъ путемъ. Одесса, стало быть, осталась въ сторонѣ. Затѣмъ въ Александровскѣ произошла осѣчка, въ Москвѣ промахъ. Зимній дворецъ долженъ былъ молчаливо принять въ свои покои высокаго гостя. Но зато, очевидно, съ этого момента дворецъ сосредоточиваетъ на себѣ все вниманіе революціонеровъ. Минированье царскаго жилища

*) Въ это время, по словамъ лицъ, сообщившихъ намъ свѣдѣнія, Халтуринъ уже былъ агентомъ Исполнительнаго Комитета и сношенія велъ съ нимъ черезъ Квятковскаго.

естественно должно было быть поведено самымъ энергичнымъ образомъ. Однако же въ это именно время произошелъ арестъ Квятковскаго съ захватомъ у него плана Зимняго дворца, на которомъ (планѣ) царская столовая была помѣчена крестомъ. Обстоятельство это подвергало страшному риску все дѣло, а Халтурина въ частности поставило въ истинно каторжное положеніе.

Планъ дворца, захваченный на такой квартирѣ, — заставляетъ встрепенуться дворцовую полицію. Начались строгости. Но хуже всего подѣйствовалъ крестъ на столовой. Что онъ означаетъ? Полиція государственная и дворцовая ломали себѣ голову и, хотя въ точности не могли разобрать дѣла, но не могли не почуять вообще какой то опасности. Всѣ покои, прилегающіе къ столовой, сверху, снизу и съ боковъ подверглись осмотру и самому тщательному надзору. Дворцовая полиція была усилена. Въ подвалѣ, гдѣ жили столяры, поселился жандармъ. Полковникъ, завѣдывающій дворцовой полиціей, ввелъ систему внезапныхъ обысковъ, дневныхъ и ночныхъ. Халтуринъ, который уже успѣлъ перенести къ себѣ нѣкоторое количество ди-

намита, въ первый разъ былъ страшно встревоженъ обыскомъ. Ночью, когда уже всѣ спали, двери подвальнаго помѣщенія вдругъ отворяются. Полковникъ въ сопровожденіи жандармовъ быстро входитъ. Звукъ шпоръ, бряцанье сабель, наконецъ, приказаніе полковника встать — разбудили столяровъ. Халтуринъ считалъ себя погибшимъ. Не зная еще о систематическихъ обыскахъ, только что введенныхъ, онъ, конечно, могъ отнести ночное посѣщеніе только на свой счетъ. А у него лежалъ подъ подушкой динамитъ . . . Однако дѣло обошлось благополучно. Порывшись слегка въ вещахъ рабочихъ, заглянувши въ разные углы, охранители царскаго жилища съ такимъ же громомъ, звономъ и сверканьемъ удалились для обыска другихъ помѣщеній, а Халтуринъ только тутъ повѣрилъ, что онъ еще не провалился. Съ тѣхъ поръ обыски съ разное время стали повторяться все чаще. Но такъ какъ они большею частью были довольно поверхностны, то Халтуринъ ихъ еще не очень боялся. Гораздо хуже было то, что обыску стали подвергать всѣхъ рабочихъ, возвращающихся во дворецъ изъ какихъ либо отлучекъ. Какъ при такихъ условіяхъ пере-

носить на себѣ динамитъ? Вообще свободный входъ и выходъ всякой прислуги чрезвычайно стѣснили. Всѣ, живущіе во дворцѣ, обязаны были постоянно имѣть при себѣ свой значекъ (мѣдная бляха), отлучки контролировались, возвращающіеся обыскивались. Посѣщенія посторонныхъ стали невозможны.

При такихъ-то условіяхъ нужно было переносить во дворецъ динамитъ и устраивать мину. Желябовъ*), смѣнившій Квятковскаго въ сношеніяхъ Халтурина съ Исполнительнымъ Комитет., лихорадочно торопилъ дѣло минированія; но оно все-таки подвигалось черепашьимъ шагомъ. Не было никакой возможности проносить динамитъ иначе, какъ небольшими кусками, каждый разъ изобрѣтая разныя хитрости, чтобы избѣжать осмотра, или обмануть бдительность осматривающихъ. Съ другой стороны нельзя было и отлучаться изъ дворца слишкомъ часто. При всемъ желаніи покончить, наконецъ, съ такимъ мучительнымъ положеніемъ, Халтуринъ могъ наполнить свою мину только очень медленно.

---

*) По тѣмъ же свѣдѣніямъ, переданнымъ со словъ Халтурина.

Впрочемъ въ сущности это вовсе и не была мина, потому что, при существующихъ тогда условіяхъ, Халтуринъ не могъ сдѣлать почти никакихъ приспособленій для направленія силы взрыва. Онъ сперва держалъ свой динамитъ просто подъ подушкой, испытывая отъ этого страшныя головныя боли. Извѣстно, что нитроглицеринъ — вещество крайне ядовитое, довольно сильно испаряется и отравляетъ кровь даже черезъ вдыханіе этихъ испареній, производя нервное разстройство и головныя боли, которыхъ ничѣмъ нельзя облегчить. Потомъ, когда динамиту набралось много, Халтуринъ перемѣстилъ его въ свой сундукъ, заложивши разными вещами. Такимъ образомъ роль мины игралъ простой сундукъ. Затѣмъ по совѣту техниковъ Халтуринъ придвинулъ его возможно ближе къ углу между двумя капитальными стѣнами, чтобы имѣть наиболѣе шансовъ обрушить столовую. Для воспламенѣнія же динамита сразу рѣшено было прибѣгнуть къ трубкамъ, начиненнымъ особымъ составомъ, который могъ горѣть и при отсутствіи воздуха. Само собою разумѣется, трубки были расчитаны на то время, которое требовалось для того,

чтобы выйти изъ дворца, на сколько-то минутъ. Вотъ и всѣ нехитрыя приспособленія, какія возможно было сдѣлать. Что же касается помѣщенія мины въ стѣну и т. под., то объ этомъ не стоило даже фантазировать. Риску на каждомъ шагу и каждую секунду и безъ того было достаточно.

Вообще положеніе Халтурина было самое непріятное. Постоянно слѣдя за собою и за всѣмъ окружающимъ, ему нужно было въ то же время тщательно скрывать свое напряженное душевное состояніе, казаться беззаботнымъ. Между тѣмъ Халтуринъ отъ природы человѣкъ крайне нервный и впечатлительный. Чахотка, которая у него развивалась все больше, еще усиливала эту нервность, не говоря уже о томъ, что самое положеніе, безпрерывная опасность, безпрерывная хитрость, безпрерывный переходъ отъ тревоги къ надеждѣ, — все это страшно раздражало нервы. Нужно было постоянное напряженіе всѣхъ силъ воли для того, чтобы не выдавать своего волненія и всей внутренней борьбы душевной. Во что обошлась Халтурину эта игра, про то знаетъ только онъ одинъ. Но въ концѣ концовъ онъ выдержалъ роль превосходно. По-

дозрительность носилась въ дворцовомъ воздухѣ, всеобщая мнительность готова была привязаться къ малѣйшему обстоятельству. Но Халтурина никто всетаки не заподозрилъ. Даже жандармъ, поселенный въ одной комнатѣ со столярями, почувствовалъ въ Халтурину особенную симпатію и все обучалъ его „благородному обхожденію“. „Ну чего ты руки въ затылокъ тычешь, выговаривалъ онъ, съ тобой господинъ полковникъ говорятъ, а ты руку въ затылокъ. Эхъ ты, деревня! Нужно, братецъ ты мой, по благородному . . .“ Жандармъ впрочемъ имѣлъ свои виды; онъ помышлялъ о приличной партіи для своей дочери и остановилъ выборъ на молодомъ столярѣ. Халтуринъ съ своей стороны не отказывался прямо, хотя и не особенно поощрялъ намеки старика. Вообще же эта неожиданная исторія сослужила ему хорошую службу. Впрочемъ Халтурина и безъ того никто не заподозрѣвалъ. По прежнему ему поручались работы въ царскихъ комнатахъ. Дѣлалось это, конечно, въ отсутствіи царя, но однажды случилось, что царь возвратился не въ срокъ, Халтурина не успѣли вывѣсти, и Александръ II неожиданно столкнулся со сво-

имъ врагомъ. Это былъ единственный случай встрѣчи ихъ за все время, но онъ все-таки показалъ Халтурину, какъ далеки во дворцѣ отъ всякихъ подозрѣній относительно его. А между тѣмъ разговоры о соціалистахъ (ихъ такъ и называли тамъ) шли между полиціей и прислугой постоянно. Жандармы часто напоминали рабочимъ о злоумышленникахъ, о планѣ, найденномъ у Квятковскаго и внушали, что нужно смотрѣть въ оба, что крестъ стоялъ на планѣ не даромъ и во дворцѣ навѣрное гдѣ нибудь кроется измѣна. Эти рѣчи возбуждали всеобщую подозрительность, хотя, надо сказать, соціалисты рисовались нижнимъ этажамъ дворца, въ довольно фантастическомъ свѣтѣ. „Вотъ хотѣлось бы взглянуть на кого-нибудь изъ нихъ, говоритъ, напр., одинъ служитель; хоть бы встрѣтить на улицѣ что-ли!“ — „Да вѣдь какъ же ты его узнаешь, возражаетъ Халтуринъ, развѣ на нимъ написано“. — „Не узнаешь? Эхъ ты, деревня! Его сейчасъ видно. Онъ, братъ, идетъ, такъ сторонись. Того гляди, пырнетъ. Ничего не боится, глядитъ высоко, видъ у него отчаянный... Его, братъ, сразу признаешь!“ По такимъ примѣтамъ, разумѣется не легко было узнать

Халтурина, и онъ продолжалъ свое дѣло, при общемъ довѣріи, получивши даже къ празднику (на Рождество) 100 руб. награды.

А дѣло уже шло къ развязкѣ. Около трехъ пудовъ динамиту было перенесено въ сундукъ. По расчетамъ техниковъ, этого казалось достаточно для того, чтобы взорвать столовую, не производя въ другихъ частяхъ дворца безполезнаго опустошенія. Вообще со стороны Желябова, слѣдившаго за ходомъ дѣла, постоянно сказывалось желаніе — по возможности уменьшить число жертвъ. Халтуринъ, напротивъ, не хотѣлъ этого принимать въ соображеніе. Онъ доказывалъ, что число жертвъ все равно будетъ огромное. „Человѣкъ 50 перебьешь безъ сомнѣнія, говорилъ онъ; — такъ ужъ лучше класть побольше динамиту, чтобы хоть люди не даромъ пропадали, чтобъ навѣрное свалить и самого*) и не устраивать новаго покушенія“. Страшный рискъ при переноскѣ динамита, и постоянно усиливающаяся строгость надзора

*) Эти свѣдѣнія передаются въ одинаковомъ смыслѣ со словъ и Желябова, и Халтурина. Халтуринъ всегда потомъ жаловался, что его не послушали и испортили дѣло.

во дворцѣ заставляли однако дѣйствительно торопиться. Сверхъ того были даже слухи, что столяровъ переведутъ куда то. Мнѣніе Желябова естественно, въ силу обстоятельствъ, восторжествовало. Рѣшено было дѣйствовать при данномъ количествѣ динамита, какъ только представится случай.

Благопріятный случай этотъ требовалъ совпаденія 2-хъ обстоятельствъ. Нужно, чтобы царь находился въ столовой, а Халтуринъ въ подвалѣ — безъ всякаго надзора. Въ столовой царь обѣдалъ ежедневно, хотя съ нѣкоторыми колебаніями во времени, такъ на полчаса раньше или позже. Что касается столяровъ и жандарма, то ихъ отсутствіе зависѣло отчасти отъ распредѣленія дежурства въ работѣ, отчасти же отъ простой случайности. Совпаденіе всѣхъ этихъ благопріятныхъ условій происходило однако не такъ часто, и когда въ началѣ февраля Халтуринъ долженъ былъ „дѣйствовать“, то нѣсколько дней испытывалъ постоянныя неудачи. Онъ въ это время каждый день, послѣ времени предполагаемаго взрыва долженъ былъ видѣться съ Желябовымъ, чтобы сообщать объ исходѣ: такъ какъ въ случаѣ удачи ему слѣ-

довало скрыться при помощи Желябова. Они встрѣчались на площади, въ темнотѣ, не всегда здороваясь. Халтуринъ, мрачный и злой, проходилъ быстро мимо, произнося нервнымъ шопотомъ „нельзя было . . .“ „ничего не вышло . . .“ Эти отвѣты Желябовъ слышалъ нѣсколько дней сподрядъ. Наконецъ, 5 февраля, Халтуринъ, замѣчательно спокойный, поздоровался съ нимъ, и словно фразу изъ самаго обычнаго разговора произнесъ: „готово“ *) . . . Черезъ секунду страшный грохотъ подтвердилъ его слова. Мину взорвало! огни во дворцѣ потухли. Черная Адмиралтейская площадь стала какъ будто еще темнѣе. Но что скрывалось за этою темнотою тамъ — на другомъ концѣ площади? Ни Желябовъ, ни Халтуринъ не могли ждать разъясненій, несмотря на жгучее любопытство. Ко дворцу сходились люди, прибѣжали пожарные. Что-то выносили оттуда: это трупы и раненные. Ихъ казалось ужасно много. Но что съ самимъ виновникомъ этой бойни, съ Александромъ II?

*) Все это передано со словъ Желябова, который былъ, по нашимъ свѣдѣніямъ, просто восхищенъ самообладаніемъ Халтурина.

Желябовъ и Халтуринъ быстро удалились. Для послѣдняго уже готово было вѣрное убѣжище, на сколько, конечно, они вообще существуютъ въ Россіи. И только по прибытіи туда нервы Халтурина будто сразу размякли. Усталый, больной, онъ едва могъ стоять и только немедленно справился, есть ли въ квартирѣ достаточно оружія. „Живой я не отдамся!“ говорилъ онъ. Его успокоили: квартира была защищена такими же динамитными бомбами.

Извѣстіе о томъ, что царь спасся, подѣйствовало на Халтурина самымъ угнетающимъ образомъ. Онъ свалился совсѣмъ больной и только разсказы о громадномъ впечатлѣніи, произведенномъ 5-ымъ февраля на всю Россію, могли его нѣсколько утѣшить, хотя никогда онъ не могъ примириться со своей неудачей и не простилъ Желябову того, что называлъ его ошибкой.